

Сегодня никого не удивишь различными описаниями информационного поля, которое хранит все сведения о прошлом, настоящем и будущем нашего мира. И способами воздействия на это поле, чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход тому или иному событию, – тоже. Но что произойдет, если один человек научится посредством этого поля воздействовать на других, превращая их в слепые орудия своей воли?

Именно с такой проблемой столкнулись сотрудники Агентства Социальной Адаптации, уже давно поставившего коррекцию судеб на поток. И вот оператор Агентства начинает свое расследование и тут же становится «номером первым» в очереди на уничтожение.

ISBN 978-5-905340-08-4

9 785905 360084

ИЛЬЯЗ
ЗРЯЧИЙ

детектив и афанта

Олег Быстров

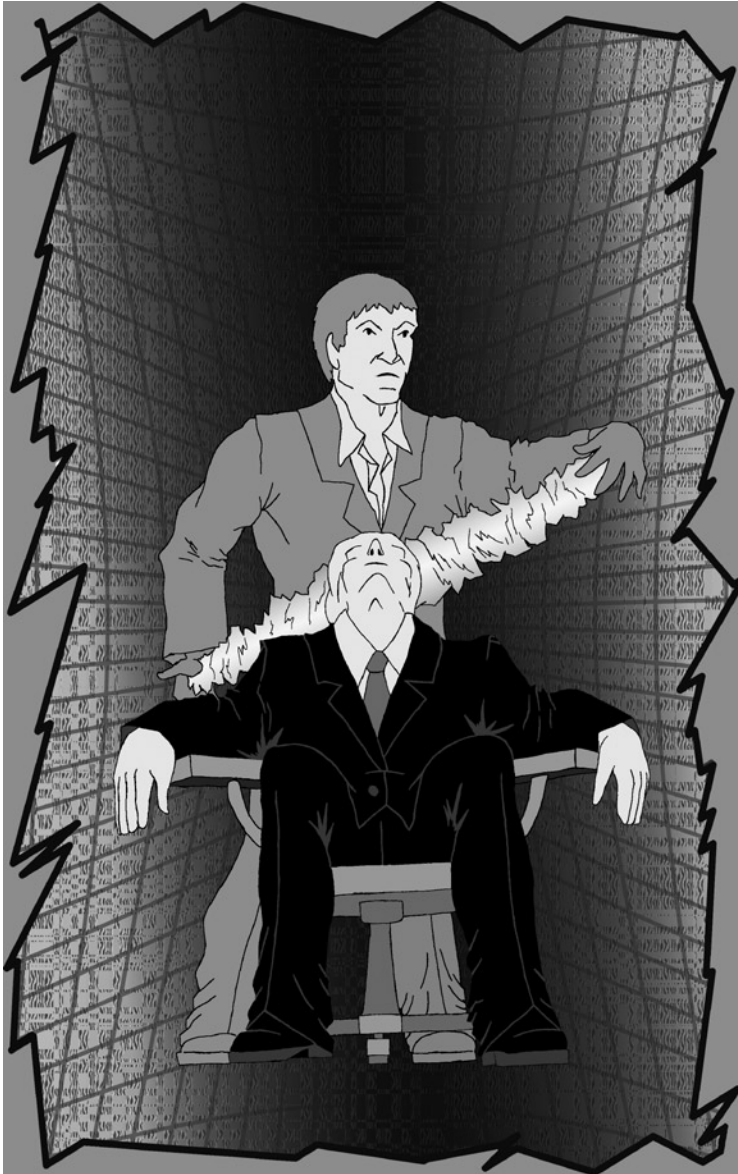
ЗРЯЧИЙ

детектиФ и аФантюра

Олег Быстров

Зрячий

Москва
«Фантаверсум»
2011

детектиФ и аФантюра

Серия основана в 2011 г.

Б95 **Быстров О.**
Зрячий / Олег Быстров;
илл. Д. Бодяев; дизайн серии Н. Караванова. –
М.: Фантаверсум, 2011. – 300 с.: ил. –
(детектиФ и аФантюра). – ISBN 978-5-905360-08-4

Сегодня никого не удивит различными описаниями информационного поля, которое хранит все сведения о прошлом, настоящем и будущем нашего мира. И способами воздействия на это поле, чтобы обеспечить наиболее благоприятный исход тому или иному событию, – тоже. Но что произойдет, если один человек научится посредством этого поля воздействовать на других, превращая их в слепые орудия своей воли?

Именно с такой проблемой столкнулись сотрудники Агентства Социальной Адаптации, уже давно поставившего коррекцию судеб на поток. И вот оператор Агентства начинает свое расследование и тут же становится «номером первым» в очереди на уничтожение.

УДК 821.161.1-822
ББК 84 (2Рос=Рус) 6-445

ISBN 978-5-905360-08-4

© ООО «Фантаверсум», 2011
© Караванова Н., дизайн серии, 2011

Предисловие (от редактора)	5
Часть 1. Сенс	15
Глава 1	17
Глава 2	43
Глава 3	68
Часть 2. Темные горизонты	93
Глава 1	95
Глава 2	121
Глава 3	152
Часть 3. Когда война ступила за порог	193
Глава 1	195
Глава 2	232
Глава 3	266

Предисловие (от редактора)

В попытках написать предисловие я несколько раз удаляла первые абзацы – решала, с чего же начать? Что в этой книге может заинтересовать читателя в первую очередь? И не могла выбрать.

Может, это методика коррекции человеческих судеб через информационное поле? Не шаманизм и эзотерика – описана вполне серьезная организация, которая плотно и профессионально занимается этими проблемами и использует механизмы и методы такого воздействия в повседневной практике. Готовит кадры в Академии прикладных знаний, обеспечивает своих сотрудников всем необходимым, платит им зарплату и с истинно государственным подходом требует от них регулярных отчетов... Да, эта составляющая романа, безусловно, интересна, особенно тем читателям, кто и ранее увлекался теорией и практикой работы с информационным пространством.

Может, это удивительно подробное описание самых разных видов холодного оружия? Спата, эсток, дага, елмань, гарда... Эти слова что-то скажут немногим. Автор знатно потрудился, разбираясь во всех тонкостях оружейного дела. При этом описывается вовсе не вымышленное оружие вымышленного мира, но вот применение его в романе отнюдь не традиционное – оно напрямую увязано с нематериальным информационным полем.

А возможно, читателя привлечет неторопливый и обстоятельный мир, так похожий на Европу конца девятнадцатого – начала двадцатого века? Самое начало широкого распространения электричества, первые телефоны... Конечно, это не наш мир, но отличия не столь явны и сокрыты не только в названиях горо-

дов и политической системе государства, в котором происходят события романа.

А еще в этот список стоит добавить главного героя – обычного человека, но необычного оператора, стоящего перед главным в своей жизни выбором. А еще – динамичный сюжет с драками, погонями, поединками. А еще...

Нет, пожалуй, остановлюсь. Пусть каждый читатель найдет в этом романе что-то свое. В том, что найдет, я не сомневаюсь.

Анна Антонова
редактор издательства «Фантаверсум»

Пролог

Каждый, кому довелось побывать в столице, знает: Капиталла делится на две части, как разрезанное пополам яблоко. И темп жизни там различается, как течение реки на стремнине и где-нибудь в тихой заводи. Деловой центр высится громадами многоэтажных строений – банки, конторы, отели. Сияет вывесками дорогих магазинов, гудит клаксонами авто. Жизнь там кипит, захватывает и мчит человека, словно осенний палый лист.

А на окраинах города всё совершенно иначе. Узенькие улочки петляют между уютными домиками старой постройки, раскрашенными в теплые цвета. И перед каждым обязательная клумба с нарциссами и гиацинтами. Вдоль мощеных тротуаров тянутся старые развесистые липы. Тишина, покой, аромат цветов...

В обеденный час здесь не встретишь даже прохожих, добропорядочные люди обедают в кругу семьи. Честные граждане наслаждаются блюдами домашней кухни – борщами и солянкой, отбивными на ребрышках и бифштексами, салатами и сложными гарнирами – кому что нравится. Но в этот раз не все жители окраины предавались праздному чревоугодию.

В тени лип по тротуару шествовали двое мужчин. Один чуть впереди: высокий, с волевым, но угрюмым лицом, он вышагивал широко и размеренно. Из-под шляпы, надвинутой на лоб, выбивались черные волосы, густо припорошенные сединой. Хрящеватый длинный нос напоминал клюв хищной птицы. Фигуру скрывал просторный темный плащ до пят, а на плече висел тубус, какими пользуются чертежники, но больших размеров.

Второй, среднего роста и обычного сложения, выглядел как типичный молодой маргинал городской окраины: потертые кожаные штаны, заправленные в стоптанные сапоги, бесформенная

рубашка, утратившая свой первоначальный цвет. Давно не мытые длинные волосы были схвачены сзади в хвост, а щеки покрывала трехдневная щетина. Молодой человек пытался идти расхлябанной ленивой походкой, но, чтобы не отстать от старшего товарища, ему всё время приходилось ускорять шаг, и парню это явно не нравилось.

– Слышь, дядя, долго еще топтать-то? – ухмыльнулся молодой спутник. – Укромных мест мало? Да здесь за любым углом...

– Не бренчи, – резко оборвал старший. – Уже почти пришли. За любым углом нельзя.

Его пронзительные недобрые глаза внимательно ощупали улицу и нашли мясную лавку на углу. От одноэтажного домика с незамысловатой вывеской, изображавшей сочную вырезку, улица уходила вбок, а сразу за лавкой зеленела плотная стена живой изгороди.

– Здесь, – сказал старший и подвел спутника к узкому проходу в густом колючем кустарнике.

Внутри оказалась обширная ровная площадка, заросшая невысокой травой. Было ясно, что люди сюда не заходят – трава имела совершенно нетронутый вид, то тут, то там синели васильки. Высокие кусты живой изгороди надежно укрывали пустырь от чужих глаз, лавка мясника осталась в стороне, никаких других строений поблизости не наблюдалось.

– Ну, вот здесь и расположимся. Нравится, Сиг? – обратился старший к напарнику.

– Нормально, – нехотя протянул тот. – По мне, так хоть посреди площади, лишь бы топтать недалеко. Но раз уж привел, будем здесь.

Старший бережно устроил на траве свою ношу, аккуратно сложил плащ и шляпу. Теперь стало видно, что это сухощавый, легкий в движениях мужчина в просторной, не стесняющей движений рубашке и широких штанах. Он перехватил ленточкой длинные темные волосы на затылке и принялся за содержимое тубуса.

Оттуда появились два клинка без ножен, обмотанные ветошью и обвязанные бечевкой. Мужчина быстро размотал ветошь, и на свет появился индийский тальвар – широкая и длинная са-

бля с небольшим изгибом к обуху. Обоюдоострое утолщение в конце клинка – елмань – придавало оружию вид грозный и внушительный. Бочкообразную рукоять украшало традиционное для этих сабель навершие в виде диска. Старший отложил тальвар в сторону, а спутнику протянул спату, прямой метровый клинок с заточенным острием, которым удобно наносить колющие удары. Массивная крестовина без украшений, рукоять, перевитая сыромятной кожей, навершие в виде шара – никаких изысков.

– Ты вроде к такому привык? – Старший посмотрел на товарища с легкой усмешкой. – Уговор помнишь?

– Что тут не помнить... Деньги принес?

– Сразу по окончании развлечения всё сполна. Так ведь договаривались?

– Ну да... – неохотно протянул Сиг, но, взяв оружие, оживился. – Хороший меч, таким работать одно удовольствие. Слышал я, дядя, что способен ты доставать правильные клинки, теперь и сам вижу. Ну, давай...

Рубанув несколько раз воздух для разогрева, а также чтоб почувствовать клинок, бойцы встали в стойку. Первые осторожные пробы – звякнула сталь. Поединщики сместились, двинулись по кругу, внимательно наблюдая друг за другом. Каждый примеривался, рассчитывал дистанцию, скорость, выбирая момент для атаки. Чувствовалось, что оружие в умелых руках: мужчины двигались с той особой грацией, что появляется в результате длительных и упорных упражнений.

Сиг не торопился, двигался как бы с ленцой. Охота дяде потеть в жару, и пусть его – главное, платит звонкой монетой, без обмана. Правда, и медлительность его, и расслабленность были кажущимися. Защитив свою жизнь в десятке поединков, этот неказистый с виду парень умел драться.

– Ну давай, давай, дядя, – подначил он. – Покажи мастерство... Сабелька у тебя знатная, а вот как ты умеешь с ней управляться?..

Старший не ответил, настроен он был более решительно. Лицо, и без того мрачное, стало и вовсе жестким, напряженным и сосредоточенным. Глаза сузились, выбирая место на теле соперника, куда вопьется тальвар. Боец нехорошо усмехнулся.

Бросок был стремительным. Рубящие вертикальные удары чередовались с секущими диагональными, справа и слева, потом опять рубящий удар сверху и снова горизонтальный. Клинок превратился в сверкающую разящую молнию. Но Сиг ловко переступал, уходя с линии атаки, уклонялся, успевал отражать удары скупыми сбивами, не подставляя спату жестко под атакующий клинок.

Дистанция между поединщиками увеличилась, и они вновь пошли по кругу.

– Ты осторожнее, дядя. – Сиг чуть запыхался. – Больно прытко начал...

– Договор был друг друга не жалеть, не так ли? Всё по правилам...

Последовал неожиданный и молниеносный выпад. Тальвар больше предназначен для рубки, но из-за небольшой кривизны клинка им можно колоть. Сиг успел увернуться, подставив свое оружие и изменив направление атаки, но всё же полностью уберечься не смог. Хищный зуб тальвара распорол рубаху, рассек кожу на боку. Теплая лишняя кровь потекла из раны, и, почувствовав ее, молодой негодуяюще изогнул брови:

– Эй! Потише, дядя! Ты в своем уме? Мы так не договаривались...

Закончить он не успел. Старший боец вдруг неувовимо изменился: лицо застыло, черты заострились. Вмиг отяжелевшие веки прикрыли глаза, но это никак не сказалось на его проворстве. Наоборот, он стал двигаться еще быстрее, удары посыпались на противника – размашистые, хлесткие, точные. Атакующий неувовимо менял направление, и косые секущие удары мгновенно переходили в горизонтальные или вертикальные.

С молодого бойца слетела вся его ленивая расслабленность. Он понял, что сейчас, на этом уединенном пустыре, защищаться придется всерьез, и теперь рубился в полную силу. Тальвар скрепился со спатой не на жизнь, а на смерть.

Сиг жестко отбивал атаки, надеясь использовать длину клинка и достать противника в молниеносном выпаде, но сделать этого не мог. В последний момент тот уклонялся неувовимым движением, похожим на танцевальное па, и тут же отвечал новой

серией рубящих ударов, принуждая Сига всё больше уходить в оборону, пятиться.

Силы молодого поединщика начинали иссякать. Фью-у-у! – свистнул тальвар, и на груди бойца расцвела алая полоса. А сабля, повернутая легким кистевым движением, уже летела обратно, на добивание. Сиг ушел в низкий присед, пропуская ее над головой, и тут же получил сильный тычок ногой в бок. Упал, перекатился, попытался встать, но схлопотал новый удар эфесом в висок. В глазах поплыло, тело повело в сторону. В следующий миг волна острой боли обожгла спину, разрезала надвое, затопила сознание...

...Страшный сабельный удар настиг со спины. Боец выгнулся, как в судороге, хриплый клекот вырвался из горла. Но старший с мертвым лицом рубанул еще раз, потом еще и еще. Тело рухнуло на истоптанную траву, орошая всё вокруг кровью, но убийца продолжал свою страшную работу, превращая уже мертвого противника в груды изрубленной плоти.

Наконец он остановился. Отошел от мертвеца, покачиваясь, тяжело и надышавшись, с ног до головы покрытый чужой кровью, опустился на землю и, казалось, задремал: голова свесилась на грудь, руки плетями упали вдоль тела, сабля выскользнула из ослабевшей кисти. Какое-то время он пребывал в неподвижности, но постепенно дыхание его выровнялось, плечи распрямились. Через несколько минут человек упруго вскочил на ноги.

Дальше он всё делал быстро и сноровисто, не обращая ни малейшего внимания на мертвое тело: собрал оружие, тщательно вытер клинки, руки и лицо ветошью, извлеченной из тубуса. Аккуратно обмотав оружие, спрятал его вместе с испачканной ветошью обратно. Оставалось только нахлобучить пониже на лоб шляпу и закутаться в плащ, что и было сделано. Теперь ничто не выдавало его участие в страшных событиях, разыгравшихся здесь совсем недавно.

Мужчина еще раз внимательно оглядел пустырь, проверяя, не забыл ли чего, и, убедившись, что всё в порядке, двинулся к проходу. «Нет, не то! Всё-таки это не то, и делать надо не так...» – прошептал он сам себе, уходя и отрицательно качая головой. Колыхнулись ветви кустов...

Три часа спустя мальчуган, отправленный мамкой в лавку дядюшки Эдварда за гусиными потрошками, решит сократить путь – пройти со стороны пустыря. Он и обнаружит изрубленное тело с тучей вьющихся над ним черно-зеленых жирных мух. Прибывшего на место полицейского чиновника, бывалого служаку, повидавшего на своем веку всякого, чуть не стошнит от вида страшной находки. Документов либо чего-то еще, что могло бы установить личность убитого, на теле не найдут. О происшествии сообщат по инстанции, дело ляжет в дальний ящик стола дознавателя. До лучших времен...

Часть I

Сенс

Глава I

Бульвар Усталых Грез, тенистый и притихший. Милая старозаветная окраина Капиталлы, что зовется Предместьем. Ток времени здесь как бы замедляется, а сама ткань его густеет, становится более плотной, почти осязаемой. Станьте в тени раскидистой липы, замрите, затаите дыхание и прислушайтесь, – и вы услышите мерную поступь столетий по щербатым мостовым.

Я снимаю комнатуху на улице Запдутавшего Счастья. Каждое утро покидаю сумрачную прохладу подъезда и коротким переулком Одинокой Мечты прохожу на бульвар Усталых Грез. Я люблю эти неспешные улочки с уютными одноэтажными домиками под черепичными крышами.

Здесь соседи знают друг друга по имени и чинно раскланиваются при встрече. Здесь «блошиные» рынки, где продают всякую всячину и где можно торговаться до упада из-за старого поломанного велосипеда и купить-таки его, совершенно ненужный, за дешево. Здесь бегает красная дребезжащая конка, которая довезет вас всего за три монетки от Парка до Стадиона, и усатый добродушный кучер обязательно пожелает доброго здоровья и всяческих успехов.

Я иду по чисто выметенному тротуару под сенью старых лип. Вот аптека, где заправляет дядюшка Илларион. За двадцать минут он приготовит любое снадобье: от мигрени и насморка, от подагры и радикулита, от несчастной любви или для процветания в делах.

Вот антикварная лавка старины Поля, которую он открыл задолго до моего появления на свет. На витрине старинные кинжалы, чайный набор и картина неизвестного автора. Поля

утверждает, что это работа самого великого Откена, но подобное заявление полностью на его совести.

На углу улиц Усталых Грез и Розовых Очков лоток – пожилой астматический толстяк Юлек торгует здесь газетами и табаком. Я каждое утро беру у него коробку крепких папирос с летящим всадником на этикетке, он меня давно запомнил и готовит товар, лишь только завидит, и всегда предлагает в придачу «Политик Ревю».

Я отказываюсь, политика меня не интересует, но он предлагает всё равно. Мы обмениваемся несколькими фразами о погоде и здоровье – это стало традицией, неким ритуалом, который мы добровольно, но очень тщательно соблюдаем.

Чуть дальше расположена известная пивная «Пена». Здесь собираются местные знаменитости: самый ловкий карманник Капиталлы и непререкаемый авторитет в этой области Антонин Кисть, предводитель разномастных рыночных жуликов Ганс Сундук. А порой заходит неуловимый налетчик, легендарный Лорд Железный Коготь, гроза ростовщиков и содержателей ломбардов Предместья.

Через десять минут неспешной ходьбы улица выводит на проспект Свершений. Здесь всё по-другому – вас оглушит какофония звуков: топот копыт и шелест шин, протяжные крики извозчиков, рев моторов и резкие гудки клаксонов новомодных авто. Пронзительной трелью взрывается свисток полицейского – в ярко-синем мундире и ослепительно белых перчатках, он стоит в меловом круге посреди дороги незыблемым символом закона.

Толпы горожан, нескончаемым потоком идущие по тротуарам, создают тот неповторимый колорит большого города, который невозможно спутать ни с чем. А вдоль тротуаров разряженные, как новогодние елки, модные магазины, чопорные офисы, строгие банки, тяжелые строения муниципальных служб. Кажется, старые дома задумчиво наблюдают за прохожими.

Здесь царит дух деловитой напористости. Именно тут накапливаются деньги столицы, рождаются новые возможности, реализуются грандиозные проекты и авантюры. Или не реализуются.словно в некоей огромной кастрюле, варится тут удивительный бульон под названием «благополучие нации».

Молодые мужчины и женщины с жадными холодными глазами, дежурными улыбками и цепкими пальцами штурмуют мир больших денег. Кто-то добирается до вершины и получает право смотреть на сограждан свысока, кто-то срывается и летит в пропасть – обдирая кожу, ломая кости...

Вечером проспект заливает сияние электрических огней. Днем здесь деньги зарабатывают, вечером их тратят, стараясь получить максимум удовольствия. В шикарных ресторанах, модных кафе и закрытых клубах идет горячее болезненное веселье, когда самые грубые и низменные забавы соседствуют с самыми изысканными и утонченными развлечениями.

Экономикой я тоже не интересуюсь: не бегу вдогонку за птицей удачи, не принимаю участия в марафоне, где призами будут дом в престижном районе и именной счет в Мировом банке. Я двигаюсь между этими двумя мирами: сонным Предместьем и лихорадочным Центром – и не принадлежу ни одному из них. Они не властны надо мной, у меня своя судьба.

Мало кто пожелает поменяться со мной местами. Я – оператор Агентства Социальной Адаптации.

* * *

Утреннее путешествие заканчивается около неброского здания с затертой табличкой над входом. Может, по прихоти судьбы, а может, умышленно, следуя конспиративным планам первых руководителей проекта, трехэтажный особняк АСА теряется между двумя гигантами.

Справа расположена громада Мирового банка: циклопическое изображение земного шара на фасаде здания поражает воображение даже привычных ко всему иностранцев.

Слева – новомодный магазин «Вижу цель» с огромным макетом артиллерийского прицела под крышей – и не думайте безнаказанно пройти мимо, невидимый пушкарь вам этого не простит! В ассортименте есть всё: от булавок до стиральных агрегатов на электрической тяге, и вам не уйти от стрелка с пустыми руками.

На этом фоне особняк Агентства выглядит более чем скромно. У нас вообще не любят внешних эффектов, зато внутри всё очень благопристойно. На первом этаже небольшой зал для клиентов и приемная: глубокие удобные кресла, пальмы, столики с журналами. Бассейн с фонтаном и обои спокойных тонов создают атмосферу покоя и психологического расслабления. Это важно.

В приемной – миловидные улыбчивые девушки в униформе с логотипом АСА: стилизованный глаз на шахматном поле. Девушки выслушают вас со вниманием и сочувствием, проникнутся вашими проблемами, помогут составить заявку. А если до приема остается время, предложат посидеть в уютном кафе, где посетителю подадут горячий чай и свежие хрустящие булочки.

На втором этаже расположены бухгалтерия, вспомогательные службы и ряд глухих дверей, почти всегда закрытых. Владельцев этих кабинетов мы видим редко, но значение их для жизни Агентства огромно. Наконец, на третьем – начальство.

Я проскальзываю через прихожую, минуя зал, иду коротким боковым коридором и ныряю в малозаметную дверь в приемной. Это диспетчерская, и дежурит сегодня Лили, симпатичная девушка, общение с которой всегда улучшает мне настроение. Лили приветлива и улыбчива, и я теряюсь в догадках – то ли нравлюсь ей, то ли она легкий и отзывчивый человек по природе.

Скорее второе, внешность-то у меня самая заурядная: рост чуть выше среднего, никаких рельефных мышц, ничего от расхожего образа мужской привлекательности. Сухощав, подвижен, порывист. Да и лицом – не герой синемаатографа, увы. Глаза серые, скорее водянистые, брови – светлый пух, волосы цвета спелой ржи, но жидковаты. Всегда завидовал мужчинам с буйной растительностью на голове. Чтоб грива до плеч, усы роскошные... Не дал бог.

В общем, ничего примечательного. Но известен мне секрет обаяния – улыбайся! Будь приветлив, не хмурь брови! Не переноси серьезных людей – все беды от них. Такой всем видом своим показывает – я один знаю, как правильно! Лопается от осознания собственного величия, значимости мыслей, слов и свершаемых деяний.

Даже когда в голове пусто, слова еще не родились, а до поступков дело может и вовсе не дойти...

В приюте, где я воспитывался, простые истины вколачивали доступными методами. Стал чересчур серьезным, заважничал, посматриваешь на окружающих свысока – по ушам! Не усвоил урок – «темная». И так, пока не дойдет до спинного мозга: ты здесь равный, но не лучший.

И если что-нибудь умеешь, доказывай делом. Не пустословием, не цветастыми фразами и громкими обещаниями, а поступками. А если всё-таки пообещал – умри, но выполни. Потому что цена слова у приютских очень высока. Улыбайся и делай, даже когда силы на исходе и злые слезы закипают на глазах.

– Здравствуйте, Мартин, – улыбается Лили мне навстречу, – рада вас видеть. Проходите в операционную, клиент уже ждет. – Тут она заговорщически подмигнула. – Директор у себя и пока не показывался...

– Здравствуйте, Лили, – улыбаюсь в ответ и я. – Вот увижу вас, и солнце светит ярче, и тучам не остается места в небе! А что до старой переноски, нашего директора, так я сегодня вовремя...

Руководитель имеет обыкновение навещать в приемную в самом начале рабочего дня. У опоздавших сотрудников нет ни малейшего шанса проскочить незамеченными, так как директор почитает пунктуальность первой добродетелью служащего Агентства.

– Даже пять минут в запасе, – смеется Лили, – но я всё равно не люблю, когда он приходит. Станет за спиной и дышит в затылок, как цапля на охоте, а я поневоле начинаю чувствовать себя лягушкой...

– Если б все лягушки были столь очаровательны – я б жил на болоте! – восклицаю с жаром.

– Скажете тоже, оператор, – кокетничает Лили. – Но вообще мне показалось, что сегодня директор чем-то озабочен. Проскочил наспуленный, еле кивнул в ответ... Обычно он так себя не ведет – всегда здороваётся: «Как дела, Лили?»

– А как вы думали – большое начальство, большие заботы... – смеюсь я и прохожу дальше.

Вторая дверь, обитая металлическими полосами, пропускает меня в маленькую комнатку, где на складном стульчике сидит здоровяк Тодд по кличке Столб. Этот добродушный малый в форме охранника и с револьвером на боку держит здесь пост. По-хорошему надо предъявлять пропуск, но меня Столб знает и не придирается.

Тодд, как и я, воспитывался в приюте и не имеет фамилии. В его понимании я символ человека, достигшего в этой жизни определенных высот, невзирая на сиротскую долю, и это вызывает его уважение и дружеское расположение.

К тому же мы оба увлекаемся боксом и оба страстные поклонники чемпиона мира в тяжелом весе Махмуда Алия. Тодд сам не чужд кулачной забавы и по выходным выступает в Народном ринге. Как многие крупные люди, он выглядит добродушным, даже чуточку медлительным, но впечатление это обманчиво. При случае охранник ударом кулака легко своротит скулу любому.

– Привет, Тодд! В эти выходные Алий бьется с Хорхе, и я догадываюсь, на кого ты поставишь. У нашего парня убойная правая, Хорхе придется туго! – Спортивное событие будет предметом обсуждения всю предстоящую неделю.

– Привет, Мартин! Видит бог, против этой правой мало кто устоит! – Столб возбужденно потирает ладони. – Через верного человека я уже заказал себе билет на стадион. А как вы?

– Честно говоря, пока нет, но что-нибудь обязательно придумаю...

– Может, поспособствовать?

– Не стоит, дружище, справлюсь сам.

Тодд стремится поддерживать со мной хорошие отношения еще и потому, что у нас есть маленькая тайна. Вернее, тайна его, а я – поверенный. Хранитель и сообщник. Но об этом как-нибудь после...

С поста охраны крутая лестница ведет на глубину трех метров под землю. Здесь располагается узкий коридор с тремя большими дверями без табличек. Открываю своим ключом ближнюю – и вот я в операционной. В груди появляется легкий зуд, приятное нетерпение, почти как перед свиданием. Конечно,

встреча с симпатичной девушкой – это не работа, это... Ох, ну кто из нас не знает, что такое свидание?! Только вот и перед встречей с клиентом я испытываю этакое томление духа. Радостное ожидание и предвкушение того основного, ради чего хожу в Агентство, – операции.

* * *

Не подумайте, что мы режем людей, к хирургическим операциям наше ведомство не имеет никакого отношения. И всё-таки здесь находится основная, самая главная часть Агентства. Именно здесь мы проводим операции по коррекции судеб людей, помогаем изменить жизненный путь человека, строим его будущее. Называйте как хотите. Я чуть позже постараюсь объяснить, чем именно мы занимаемся и как это делаем, но сейчас не до того – надо работать.

Стол пуст, если не считать листочка заявки на операцию адаптации, заполненную самим клиентом. Итак, что мы имеем:

«Карл Густав Бревиус» – недурно. Не потомственный аристократ, конечно, но наличие двух имен в Республике говорит об определенном социальном статусе. Буржуа средней руки, чиновник рангом не ниже мэрии, не исключены некоторые особые услуги перед государством. Далее...

«Предприниматель». Расплывчатое, но самое распространенное определение в наше непростое время. Предпринимать попытки, прикладывая усилия можно в какой угодно области. Например, разводиться крокодилов в бассейне городского Парка на потеху публике. Или продавать секреты бабушкиных пирогов. А можно проворачивать головокружительные махинации на фондовой бирже. Ясно, что господин не хочет афишировать свой род занятий, но правилами это не возбраняется.

Далее. Возраст, подданство, вероисповедание... Всё понятно... Вот:

«Цель визита – адаптация в сфере предпринимательской деятельности... создания оптимальных условий для делового сотрудничества... конструктивного развития коммерческой актив-

ности... перспективного взаимодействия в инновационной сфере...» Уф! Явно не обошлось без девочек из приемной. Только они умеют так лихо закручивать формулировки.

Если сказать простым языком, то Карл Густав хочет быть уверен в честности партнеров, их заинтересованности в «перспективном взаимодействии» и опасается оказаться обманутым на кругленькую сумму.

В углу кабинета имеется шелковый шнур, конец которого тянется к колокольчику в приемной. Как только я готов к работе, даю об этом знать девушкам-консультантам, и они направляют клиента. Посетитель спускается на три метра под землю, но уже с другой стороны: лестница здесь более пологая и нарядная, двери отделаны красным деревом и пронумерованы.

Услышав деликатный стук, распахиваю створку. Обмен приветствиями, представление: «Если угодно, просто Карл». – «С удовольствием, но и я прошу вас – просто Мартин!» – и я усаживаю «просто Карла» в кресло.

Операционная представляет собой обычный кабинет пяти метров в длину, трех в ширину и двух в высоту. Плюс три метра грунта над потолком. Операторам нужна тишина, в определенные периоды работы – максимальная сосредоточенность, даже вдохновение. По той же причине приглушен свет.

До недавнего времени мы пользовались свечами, но сейчас электричество вытесняет прежние виды освещения повсеместно. На улицах почти не встретишь масляных фонарей, разве что в самых глухих уголках Предместья. Технический прогресс добрался и до АСА: на стенах появились бра с матовыми стеклами, а на моем столе – лампа под зеленым абажуром с кисточками.

Салатные обои, такой же ковер под ногами, зеленый цвет преобладает во всём. Известно, что он успокаивает нервную систему.

– Прошу вас, Карл, несколько слов – вы сомневаетесь в честности партнеров, хотите выяснить их намерения или для вас важнее оптимальное решение проблемы?

– И то и другое, Мартин. Сделка подразумевает сумму не астрономическую, но для меня это немалые деньги. – При этих словах «просто Карл» слегка вильнул взглядом, как видно, денеж-

ки на кону приличные. – Коммерция всегда риск, но хотелось бы иметь некоторую уверенность. Насколько это возможно...

– Количество партнеров?

– Трое.

– И все будут решать судьбу соглашения?

– Нет. Двое имеют статус младших партнеров с совещательными голосами. Окончательное решение за третьим, и меня больше интересует он.

– Определимся сразу, Карл. Я не смогу дать вам точный прогноз поведения этого человека, предугадать, какие решения он будет принимать и как поведет себя в том или ином случае. Но я могу дать – и дам – анализ ситуации в целом, основное направление развития. Вектор, который может быть благоприятным или неблагоприятным для вас. И постараюсь подсказать, какие действия могут способствовать развитию событий в вашу пользу. Договорились?

– Безусловно, Мартин. Меня вполне устроит подобный результат.

– Когда вы виделись с партнерами?

– Вчера был предварительный тур переговоров, обговорили общие положения, даже, я бы сказал, намерения. Через два дня заключительная встреча, уточнение позиций и подписание.

Посреди операционной – стол, точно такой же, как и тысячи других в конторах и присутствиях Республики, и два кресла. Предназначенное мне – удобное рабочее кресло без каких-либо секретов, второе – для клиента. Оно несколько больших размеров, с подголовником и при помощи специального рычага может изменять свое положение, раскладываясь горизонтально, как кушетка.

– Хорошо, Карл. Теперь попытайтесь максимально расслабиться. – Я начал регулировать спинку кресла, укладывая клиента. – Вот так удобно? Немного выше? – секунду... Чудесно. Расслабляемся, Карл. Вы чувствуете, как ваше тело наливается приятной горячей тяжестью. Становятся горячими руки...

Стандартная процедура релаксации, только расслабление неглубокое. Именно для этого приглушен свет и в интерьере преобладают успокаивающие тона. Мне не нужно, чтобы клиент

успел или впал в транс, он должен сохранять ясное сознание, но быть при этом максимально расслабленным.

Подношу ладонь левой руки к темени Карла (левая рука воспринимающая, правая – дающая). На пальцы начинает давить поток энергии, подобный легкому теплему ветерку. Поток закручивается по часовой стрелке – я запоминаю этот факт. Пальцы слегка покалывает, энергия достаточно жесткая. Судя по всему, Карл Густав привык достигать поставленных целей. Тем лучше, больше шансов на положительный результат, а оценивают нашу работу именно по результату.

Потом устанавливаю ладони с обеих сторон головы, на расстоянии примерно десяти сантиметров. Вожу кругообразно – вначале в одну сторону, по часовой стрелке, потом обратно. Теперь сверху вниз: от темени, над шеей, к плечам, как будто скользю, разглаживаю нечто упругое и одновременно мягкое. Ощущаю легкое сопротивление поля: я действительно разглаживаю его руками, это не просто поэтический образ.

Справа, на уровне уха, в ладонь болезненно «стреляет». У клиента проблема, небольшое воспаление, походка можно немного «подчистить». Но долго задерживаться и лечить ухо мне не с руки (в данном случае в прямом смысле!), я не целитель, проблеме здоровья меня не интересуют. Еще несколько скользящих пасов: я отрешаюсь сейчас от всего земного, затихают мысли, гаснут эмоции, тело становится невесомым. Дыхание глубокое, с короткой задержкой сразу после вдоха. Раз, два, три и...

Распахиваю объятия миру, на резком выдохе разбрасываю руки широко в стороны, как будто хочу обнять всю вселенную. Одновременно делаю глубокий медленный вдох через вытянутые трубочкой губы и сжатые зубы. В области крестца возникает раскаленный шар. На вдохе он начинает подниматься вдоль позвоночника, достигает черепа и взрывается там миллионом цветных искр, тупо отдаваясь в затылок горячим ударом. Я издаю хрипальный стон. Тело вытягивается в струнку, и, кажется, сейчас я воспарю над креслом с распластавшимся Карлом Густавом, над операционной, над особняком АСА...

Все мое существо наполняет неописуемый восторг! Ради этих секунд стоит жить – мириться с господином директором,

дружить с Лили и Тоддом, ходить ежедневно в Агентство. Ради секунд единения с потаенным смыслом, сокровенным содержанием наших судеб. Для того чтобы увидеть в конце вектор!..

Волна пьянящей радости накрывает меня и тут же стремительно отступает. Этот момент нужно уловить, почувствовать, в чем и заключается мастерство профессионального оператора. Чуть промедлишь – и миг чудесного перехода на новую ступень бытия будет безвозвратно упущен. Останется только память о волшебной возможности...

Вслед за «отливом» тело немеет, голова становится пустой и ясной. Наступает момент, из-за которого мы называем себя Зрячими.

– Карл, вы слышите меня? – Голос немного осип, во рту пересохло.

– Слышу... – слабо бормочет Карл, всплеск энергии не прошел незамечным и для него. Мои коллеги чувствуют точку прорыва на расстоянии: сотрясается ткань бытия, возмущение идет волнами, как от камня, брошенного в воду. Но и обычные люди ощущают нечто, краткий миг резонируют со мной, с каналами, с энергетикой мира. Чаще всего после этого развивается легкое оглушение.

– Прошу вас, Карл, начинаем работать. Вспоминайте вчерашний день, своих контрагентов, всех троих. Чем больше подробностей, деталей – тем лучше. Вообразите себе их внешность, жесты, постарайтесь услышать вновь, о чем и как говорилось во время встречи. Это очень важно...

Теперь многое зависит от самого клиента. Чем лучше у него зрительная память, воображение и способность к образному мышлению, тем легче будет мне. Похоже, у господина Бревиуса получилось, потому что я увидел – будто в кино.

Крест. Парусник. Копье.

Вглядываюсь, стараюсь различить детали. Не просто крест, а большой, темного дерева, стоящий у стены огромного полутемного зала. Стены выложены грубо отесанным камнем, маленькие оконца высоко под потолком, но это не темница, скорее зал старинного замка. Факелы на стенах. Блики от огня играют на гладкой поверхности дерева.

Взор скользит по кресту, по залу, упирается в низкую, око- ванную металлическими пластинами дверь. Та беззвучно рас- творяется, и открывается широкий обзор: внизу море, зажатое в подкову бухты, пристань, от причала отходит парусник. Ветер туго наполняет его паруса, трепещут флаги на мачтах, и за кормой остается пенный след. У двери лежит сломанное копьё – свежий излом древка, сверкающий стальной наконечник.

Можно провести анализ увиденного: крест в общем смыс- ле – затруднения и неудачи; полутемный зал, каменные стены, факелы – всё это характеристики ситуации. Намерения у пар- тнеров серьезные с обеих сторон, они готовы к активным дей- ствиям. Отплывающий парусник символизирует предприятие с сомнительным исходом, пенный след за кормой – ненадежность и зыбкость.

Судя по образам, дело Карлу Густаву предстоит непростое, с гнильцой, а вот сломанное копьё – это хорошо. Возможность успеха в результате настойчивых усилий. И дверь – возможность выхода, преобразований.

А теперь действовать! Хватаю в руки обломок копьё и броса- юсь к пристани. Бежать приходится с горки, спуск крутой, тро- пинка неровная. Под ноги то и дело попадают камни, выступаю- щие корни растений, какой-то мусор. Тело ускоряет бег за счет инерции, земля чувствительно бьет в подошвы, дыхание перехва- тывает. Всё выглядит очень реально, я абсолютно уверен, что, если споткнусь, полечу кубарем и набью себе совершенно реальные синяки и шишки. Хотя всё это лишь череда образов...

В конце спуска всё-таки спотыкаюсь, нелепо размахивая ру- ками, пытаюсь сохранить равновесие, и это мне каким-то чудом удается. И вот уже живым снарядом вылетаю на пристань, под ногами ровная надежная поверхность. На бегу, не снижая ско- рости, отвожу руку с копьём и за пару метров до кромки воды с силой запускаю снаряд вдогонку каравелле. Вкладываю в бросок всю мощь инерции движущегося тела!

Короткий посвист, тупой звук удара – копьё вонзается в корму. С дребезжанием вибрирует обломок древка со свежим сколом. Вот так – копьё моих благих намерений в корму ваших плутовских хитростей!

Потом неспешно поднимаюсь в гору, обратно к замку. По пути нахожу длинную прочную палку и, подойдя к двери, на- мертво зажимаю ее в открытом положении. Пусть вход и выход из ситуации будет свободным.

Всё, больше мне эти картинки не нужны. Мысленно поме- щаю галерею образов на школьную доску, ту, что была в моей приютской школе когда-то. Беру в руки влажную тряпку и всё стираю.

– Отлично, Карл, продолжаем. Теперь представьте себе хо- рошенько третьего, от которого зависит результат сделки. Поста- райтесь увидеть его как можно ярче. Что он говорил, предлагал?

– Да, конечно... – Голос моего подопечного слегка плывет, и это хорошо. Значит, действительно пытается вспомнить и пред- ставить себе картину вчерашних событий.

– Какие предложения он вносил? Их последовательность, содержание... Помните?

– Да...

– Сколько было позиций?

– Всего четыре...

– Первая позиция! Вспоминайте!

Прикрываю глаза, концентрируюсь на точке между бровя- ми. Вместо ярких образов в средневековом стиле появляется не такое красочное, но четкое серебристо-серое куриное яйцо. Оно правильной формы, с ровными краями, без изъянов и трещин. Это и есть образ устремлений партнеров моего клиента. По- скольку форма гармонична, то и намерения честны.

– Отлично! Вторая!

Второе яйцо слегка вытянуто кверху, немного больше в раз- мерах. Тоже нормально, хоть и примешиваются тут какие-то попутные интересы, но они для клиента не опасны. Между об- разами тянется отчетливая серебристая нить: образ причинно- следственной связи.

– Очень хорошо, Карл! Продолжаем! – Меня самого в подоб- ные моменты охватывает нешуточный азарт. – Третья позиция!

Есть, вот оно! Скорлупа яйца в трещинах, сердцевина алая, пульсирующая, к краям алый фон затухает и цвет становится обычным, серебристо-серым. Верный признак тщательной ма-

скировки. Это то, что на своем профессиональном сленге мы называем «гвоздем», – скрытое враждебное намерение, ущемление интересов клиента.

Серебристая нить после треснутого яйца превращается в пунктир. Если «гвоздь» сработает, интерес партнера к моему клиенту резко упадет: результат достигнут, к чему утруждаться? Прошу Карла «дать» четвертую позицию – так и есть, она размыта, форму рассмотреть не удастся. Не позиция, а скорее, страховка, запасной вариант.

Перевожу дух. Теперь энергетическая связь замкнута на меня и для просмотра можно тратить гораздо меньше усилий. Карл Густав тоже заворочался в кресле, до этого сидел (или лежал) не шелохнувшись.

– Можно открыть глаза, Карл. Возвращайтесь на бrenную землю... Вы выступали со встречными предложениями, уточнениями? Предлагали свою программу сотрудничества?

– Да, Мартин. – Клиент слегка щурится, потряхивает головой, окончательно приходя в себя. Всё-таки насчет транса я был не совсем прав – в какой-то степени наши подопечные в него впадают.

Предприниматель по моей просьбе мысленно прокручивает цепочку предполагаемых действий, а потом и проговаривает вслух то, что считает возможным. Под звуки голоса Карла в моей голове, как на фотографической пластине, проступает энергетическая структура договора.

На темном, почти черном фоне проявляется, чуть колеблется, будто дышит, ажурная ярко-изумрудная сеть энергетических линий – прихотливый узор мыслей, чувств и устремлений клиента и людей, с ним связанных. Поверх узора, как проложенный на карте маршрут, пульсирует алым положительный вектор. Он струится, слегка меняя направление от одной опорной точки к другой, и чем-то похож на суставчатую конечность. «Рука судьбы», сказал бы я. Это благоприятный для господина Бревюуса сценарий развития событий.

– Вы обратились к нам не зря, Карл. – Я привожу кресло клиента в обычное положение. Карл Густав внимательно меня слушает – ни сонливости, ни рассеянности. – В третьем пункте

предложений противной стороны скрыта безусловная угроза. Какой-то подвох, незаметный с первого взгляда. Этот пункт стоит изучить от первой буквы до последней, рассмотреть под увеличительным стеклом. Привлекайте самого грамотного юриста и требуйте от него тщательнейшего анализа сделки с оценкой всех возможных последствий. За два дня, я уверен, вы найдете ловушку и, избежав ее, сможете получить немалую выгоду от переговоров. Отказываться от партнеров не стоит, нужно только развернуть ситуацию в свою сторону.

Говорю и вижу мелькнувшее в глазах Карла узнавание. Похоже, и сам делец чувствовал в третьей позиции какую-то гнильцу, только понять не мог. Если маскировка умелая и дело готовит опытный человек, то на логическом уровне можно ничего и не найти. Тут уже вопрос интуиции, чутья. Зубры с тонким деловым чутьем к нам за консультациями не ходят, все сами норвят...

На этом процедуру можно считать завершённой. Кстати, именно так этот этап работы мы и называем. Я раскланиваюсь с клиентом, мы трогательно прощаемся на самой мажорной ноте. Теперь «просто Карл» пойдет заниматься изучением документов и работой с юристом, а я буду заканчивать операцию адаптации своим, только мне доступным способом.

Называется это финтом.

* * *

Есть в Капитале Университет Естественных Наук, один из старейших в стране. Можно пойти в библиотеку, заказать и перечитать стошку толстых научных трудов. Я всей этой заумью голову не забиваю, да и образование не позволяет свободно разбираться в измышлениях высоколбых мужей. Но своими словами, простенько могу объяснить, чем мы тут занимаемся.

Миром правят причины и следствия. Всё, что случается с человеком, это не цепь случайностей, хотя нам порой кажется именно так, не хаотичный набор встреч, событий и сказанных слов. Каждый прожитый день есть прямое следствие дня предыдущего. Как прожил ты «вчера», так и аукнется тебе сегодня,

а нынешний день будет строить светлое «завтра». Или не очень светлое, это уже как у кого получится.

Каждый из нас прокладывает свой курс в море житейских проблем. И каждый из нас проходит свой маршрут, свой путь. Но море – это не пассивная дужа стоячей воды. Это стихия – шквальные ветры, волны до небес, властные течения и подводные рифы... Да много чего встречается человеку в бурном океане жизни.

Представьте, что вам нужно добраться до некоего счастливого острова. Там цветут сказочные сады, пляшут веселые островитяне и жизнь наполнена счастьем. Но путь по прямой невозможен. Только взяли вы курс на желанные берега, а тут шторм – и вас относит к югу. Только выбрали из передраги, сориентировались по солнцу, подправили курс – на дороге течение. Сносит к западу – хоть плачь! Приходится плыть по дуге, удлиняя путь, платить затраченным временем за экономию сил. Точно так же нужно обходить рифы и отмели, преодолевать прочие превратности стихии...

Вот так и человек на жизненном маршруте. Каждый движется к намеченной цели, но путь по прямой далеко не всегда самый легкий и короткий. Кроме попутного ветра собственного желания и воли дуют сбоку – а иногда и в лоб! – чужие устремления и чаяния. Сносят течения посторонних мнений, скребут о днище поступки и слова других людей.

Дорога из одной точки жизненного пути в другую часто оказывается запутанной – с петлями, зигзагами, вынужденными возвратами и длинными обходными маневрами.

Если вы не нравитесь начальнику, ваше продвижение по службе может оказаться крайне затруднительным. Даже если он не преследует вас в открытую, не ставит подножки и не придирается по мелочам. Но напоминает вы ему, к примеру, соседского мальчишку из далекого детства. Того, что мутузил и обижал его по-всякому. Неосознанная глубинная неприязнь может не проявляться в реальных поступках, но путь к цели в житейском море будет отклоняться настолько, насколько сильно эта неприязнь выражена.

А теперь представьте себе на миг, что есть где-то в мире лоцманская карта, на которой проложены все маршруты. На глубокой синеве морской глади прочерчены линии – пути следования людей. И карта эта не застывший кусок картона, косная материя, данная нам один раз и навсегда. Она живая. Струятся по ней алые векторы человеческих судеб – вьются, изгибаются под влиянием слов, поступков, и даже мыслей других людей. Смещаются, а иногда и попросту ведут в тупик. К жизненному краху.

И пересекаются. Много-много раз – перекрещиваются, сходятся и расходятся, сдвигают друг друга, перекрывают одна другой путь... Всё это – встречи, поступки, разговоры, ситуации. И сильнее других – отрицательная энергия неприязни, раздражения, гнева. Она очень сильна и «не пропускает» объект коротким путем, отталкивает. Путь отклоняется и удлиняется, расход сил на его преодоление значительно возрастает. Вы можете побороть ситуацию, «пробить» препятствие и достигнуть желаемого, но результат, скорее всего, не оправдает затраченных усилий.

Вот это и видят сенсы во время процедуры. Паутину, ажурную вязь, восхитительный узор энергетических каналов, словно маршруты на карте. Работа с образами – лишь предварительный этап, необходимый, но не основной. Увидеть вектор – вот главная цель оператора. Посмотреть на ситуацию, как она выглядит на энергетическом плане – тоже в виде образов, – но через это подобраться к линии судьбы и... стать лоцманом! Капитаном! Кормчим! Пусть на небольшом, доверенном клиентом отрезке его жизни, но – корректором! Направляющим...

В этом и заключалась изначально цель проекта «Адаптация» – позволить всем гражданам Республики просчитывать с помощью операторов шансы на успех в своих начинаниях, жизненных планах и проектах. Выбрать лучший вариант и воплотить задуманное. Общество равных возможностей.

Случай с Карлом Густавом классический – надо делать деньги, рисковать, но есть определенные опасения. Таких клиентов у нас большинство, они надеются получить от оператора Агентства точные рецепты, как медный грош в короткий срок и безопасно превратить в хорошие деньги. Не ловчат ли партнеры, не соби-

раются ли обмануть? Что способствует и что препятствует задуманному?

Траекторию жизненного пути мы называем линией судьбы. Чаще всего она выглядит как кривая с большим количеством петель и извивов. Точки, где пересекаются каналы, можно назвать опорными. Здесь энергетический потенциал гораздо выше, чем на остальном ее протяжении. Быть может, заряды суммируются, резонируют, как бы то ни было, именно тут происходят чудесные превращения: количество преобразуется в качество, лягушка обращается в прекрасную царевну, мышление принимает эвристический характер, и знаменитое яблоко падает на еще более знаменитую голову.

Опорные точки могут выполнять функцию неких трамплинов, значительно ускоряющих движение по линии судьбы. Как по камешкам через ручеек – прыг-прыг, и вы на другом берегу!

Может быть, везением как раз и называют способность попадать как бы случайно в узловы́е моменты ситуаций. Может быть, интуиция связана именно с этим – человек неосознанно, на уровне чутья, находит в жизни проекции опорных точек. Отталкиваясь от энергетических узлов, он достигает цели максимально быстро и с минимальными затратами, принимает единственно верное решение. При этом логически оно может выглядеть спорным или даже ошибочным.

Вся эта механика плохо поддается изучению и измерению, ученые в этой области делают лишь первые робкие шаги, но есть люди, которые видят каналы, их переплетения, взаимодействия, опорные точки. Таких людей немного, для работы с информацией нужны специфические способности, и к тому же способности надо развивать, умение считывать информацию – шлифовать.

В официальных бумагах нас называют операторами, люди – сенсами, между собой мы зовем друг друга Зрячими. Отсюда и логотип АСА: распахнутый глаз на фоне шахматного поля. Глаз – данное нам природой видение, поле – линии судеб с опорными точками.

* * *

В правом углу операционной, за темной портьерой скрыта неприметная дверь, ведущая в совершенно особое помещение. Это сугубо мои владения, предназначенные для завершающего элемента работы. Открываю, вхожу и попадаю в темный обширный зал. Моя Мастерская, площадка для танц-коррекции.

Каждый оператор имеет свой метод воздействия на линию судьбы клиента, так называемый финт. Советы, которые я дал Карлу Густаву, сыграют свою роль: хороший юрист найдет в третьем пункте договора скрытый подвох, я в этом уверен. Клиент предупрежден, а значит, уже вооружен и предпримет необходимые меры. Ведь он сам назвал себя предпринимателем!

Но этого мало. Если контрагент горячо желает добиться результата, он сможет напряжением воли, за счет упорного стремления сохранить «гвоздь» в энергетическом узоре. Эта скрытая «мина» будет переходить в договоре с позиции на позицию, изменять внутренние связи, порождая всё новые возможности для обмана. Тогда даже многократные коррекции не дадут ощутимого результата. Брешь, заделанная в одном месте, обязательно появится в другом.

В конце концов, ловушка может и вовсе потерять зримые очертания, но это не значит, что она исчезнет. Изменится знак вектора, из положительного он станет отрицательным, после чего ситуацию не поправить никакими силами. Более того, несчастья и поражения могут распространиться по линии судьбы, и жизнь человека перейдет совсем в другое русло. Болезни собственные и близких людей, крах начинаний, фатальное невезение – вот неполный перечень печальных событий, угрожающих клиенту. Это полный провал для оператора – заказ на адаптацию не выполнен, квалификация сенса оказывается под вопросом.

Поэтому оператор, помимо процедуры, закрепляет линию судьбы клиента. Делает это каждый по-своему, и здесь не обойтись без специального помещения, методики и принадлежности. Однако в свое время мне пришлось немало потрудиться, чтобы доказать необходимость такой вот Мастерской.

На стенах зала канделябры со свечами, которых ровно дюжина, и я зажигаю их одну за другой. Господин директор предлагал и сюда провести новомодное электричество и навесить светильники, но я наотрез отказался. Это моя территория, здесь всё будет обустроено на мой вкус. Разве можно сравнить холодное сияние ламп с теплым трепетным светом свечей? Это совсем другая атмосфера: игра теней, загадочные флюиды, совершенно особый настрой.

Пол покрыт ковром, мягким и в то же время упругим. У дальней стены маленький изящный столик, на котором покоятся метроном и кинжал. Это мои инструменты.

Снимаю верхнюю одежду и обувь, надеваю что-то наподобие бриджей из мягкой хлопковой ткани. Достаю кинжал из тяжелых ножен: мощная рукоять, обмотанная сыромятной кожей, круглая массивная головка, называемая навершием, широкий прямой клинок. На тусклом металле отсвечивают огоньки свечей. Никаких излишеств: инкрустаций, золота или камней. Настоящее боевое оружие.

Старина Поль, продавший мне клинок, клялся, что каких-то пятнадцать-двадцать лет назад им пользовались по прямому назначению – лишали жизни недругов. Кинжал принадлежал горцу. В тех краях еще и сегодня можно услышать о краже невест, кровной мести и непримиримой войне между кланами – это необычная страна с древними обычаями.

Клинок обгагрался кровью врагов – кинжал напивался силой.

Во многих мировых религиях и философских доктринах крови придается особое значение. Она рассматривается как некая сакральная субстанция, материальное воплощение души. На Востоке поток животворной энергии неразрывно связан с током крови, а перемещение энергии в теле – с кровеносными сосудами. В христианстве причащают кровью Христа. В огромном количестве культов, при совершении самых разных ритуалов именно кровь – человека или животного – является основным пусковым моментом магических превращений. Мы, сенсы, тоже относимся к священной жидкости с большим почтением.

В свою очередь, холодному оружию давно приписывают уникальные и даже мистические свойства. Это отобразено во множестве сказаний разных народов о легендарных мечах древности, которые помогали воину побеждать чудовищ, противостоять злым чарам и спасти прекрасных принцесс.

Оружие ковали в единственном экземпляре, из особых материалов и по уникальной технологии. Мечи, сабли, боевые топоры и копья делали под определенного человека, героя, и давали им собственные имена. Чудо-оружие принимало не всякого. Если нет сродства с воином, клинок может проявить неповиновение, даже обернуться против хозяина.

В лавке старины Поля, кстати, неплохая коллекция холодного оружия. На витрине представлены имитации, а вот в закромах у старого антиквара можно увидеть вещи действительно любопытные. Например, старинные кинжалы. Здесь немало интересных экземпляров.

Я задумался, вспоминая, как сам покупал этот клинок...

По моей просьбе Поль провел меня в заднюю комнату, за тяжелую дубовую дверь, укрепленную металлическими полосами, и достал сундучки, шкатулки, кожаные скатки с карманчиками, где покоятся кинжалы всех времен и народов. Моему взору открылось богатейшее разнообразие клинков на любой вкус – треугольные и листовидные, широкие и узкие, прямые и изогнутые, двояковогнутые и волнистые.

Вот изящный старинный квилон с загнутой двухсторонней гардой. Широкий крестьянский хаусвер, более похожий на хозяйственный нож, да часто таковым и являвшийся. Вот тонкий, как шило, стилет и широкий итальянский чинкведеа, что в переводе значит «пять пальцев» – именно такова ширина клинка у основания. Рядом дага с чашеобразной мощной гардой. Этот кинжал вытеснил в свое время шит. Длинные и мощные персидские карды, маленькие пиха-каетты из Шри-Ланки и множество других.

Отдельно Поль держит оружие с загнутыми клинками. Индийские кханджары и загнуто-выгнутые кханджарли, хищные арабские джамбии и, наконец, катар – нелепый с виду и крайне опасный в умелых руках кинжал, который надевают на руку на-

подобие кастета. Да при этом имеющий три лезвия, направленные вперед, вверх и вниз.

Был тут и мой любимец, длинный кинжал с богатой инкрустацией серебром и камнями. Не оружие, а воплощенный гимн оружейной эстетике. Несколько раз я порывался купить его, но Поль запросил столько, что я лишился дара речи. Все мои попытки торговаться со старым антикваром ни к чему не привели, он ни в какую не хотел сбрасывать цену.

Каждый раз, попадая в закрома, я беру кинжал в руки, любуюсь и шумно восхищаюсь им в надежде растопить его сердце торговца, но дальше разговоров дело не идет.

Коллекция не ограничивается короткими клинками, здесь есть и длинные. Отличный средневековый эсток: меч с широким основанием и тонким и острым, как игла, острием. Поль по праву считает его своей гордостью. Радуют глаз огромный двуручный эспадон и полуторный бастард, мечи внушительные и по-своему очень красивые.

Отдельно в небольшом простом ящике лежат две сабли: сильно загнута турецкая пала и другая, малой кривизны, больше похожая на польскую карабелу. Судя по навершию в форме птичьей головы, с двумя нелепыми углублениями вместо глаз, это карабела и есть. У меня имеется сильное подозрение, что сабли – новоделы. Поль утверждает, что это не так. Палу он называет «султанской», приписывая ее некоей легендарной личности, рассказать о которой, правда, ничего толком не может. Ну да картина «великого Откена» тоже красуется на витрине...

Карабела имеет скромную табличку: «Сабля кавалерийская». Антиквар уверяет, что клинок очень старый, найден, мол, еще его отцом, когда тот только начинал дело далеко на юге, откуда был родом. Что в словах хитреца правда, а что нет – для меня загадка...

Я с трудом вернулся в реальность и поудобнее перехватил клинок. Сейчас не время для воспоминаний об оружии – время его использовать.

В моем случае кинжал – это связь с информационным полем, проводник, облегчающий приток информации. Продолже-

ние моей руки, волшебная указка, способная находить верные направления.

Я беру благородное оружие, познавшее кровь врагов и радость побед. Клинок становится некоей дирижерской палочкой, способной управлять грандиозным оркестром, составленным из линий судеб. Как послушные музыканты, начинают они исполнять партии, подвластные моей воле, выстраиваться необходимым образом, струиться в нужном направлении. Картина мира наполняется новым содержанием и смыслом. В такие минуты я чувствую себя почти Творцом, созидающим хрупкую ткань мироздания...

Становлюсь в центре зала, кинжал прижат к внутренней поверхности предплечья. Метроном отмеряет пять восьмых – мой любимый размер. Стою на носочках, вытянувшись струной, прикрыв глаза. Жду, слушаю, внимаю всем телом – вот-вот должна появиться мелодия, созвучная миру, гармоничная с хрупкими линиями энергетических каналов.

Четыре опорные точки, четыре поворотных пункта Карла Густава Бревиуса. Сейчас я в первом, отсюда и начну писать его судьбу. Не всю, конечно, но тот ее отрезок, сопричастным которому я стал, который доверен мне Карлом.

Взрыв! Падаю в пропасть. Весь, без остатка. Очень глубокий присед на правую ногу с одновременным махом правой руки вверх, левая нога вытянута в сторону, левая рука чуть отведена. Кинжал устремлен ввысь.

Мелодия рождается в области солнечного сплетения, звучит всё громче, поднимается, заполняет грудь, горячей волной вливается в голову. А в животе холод! – ощущение морозной свежести! Медленно поворачиваюсь на опорной ноге, вычерчивая другой ногой правильную окружность, а потом переношу на нее вес тела. В средней точке встаю из приседа: руки вверх, кинжал устремлен в небо, скрытое потолком зала.

И начинаю кружиться волчком – каскад фуэте, нога как хлыст стегает пустоту. Рука с кинжалом делает мощные горизонтальные махи, клинок рассекает воздух. И следом переход в баллоне – прыжками передвигаюсь по залу сначала в одну сторону, затем в другую. Тело порхает, клинок продолжает рубить

сверху вниз. Переход в ан дедан – вращение волчком по часовой стрелке, начинаю двигаться в нем. Именно по часовой стрелке крутился поток над макушкой клиента, и сейчас я это учитываю. Вращением своим व्यю тугой жгут будущих успехов, протаптываю тропу в рыхлом сугробе чужих недобрых намерений и до-садных случайностей.

Останавливаю бег, переход – что-то вроде джиги. Топчусь и вышагиваю на месте, уграмбовываю достигнутый результат, закрепляю. Клинок сейчас в вытянутых руках, горизонтально лежит на ладонях. То низко кланяюсь земле, то выгибаюсь максимально, запрокидывая голову и поднимая руки к небу. Сейчас я во второй точке. Еще немного...

И опять взрыв! Жете ан авант – с ноги на ногу по кругу, высокий кабриоль – нещадно луплю в полете ногой об ногу, рассекаю пространство зала. Трепещут свечи, тени удивленно шепчутся по углам. Воздух становится густым и вязким, клинок режет его с мелодичным посвистом.

И еще каскад фуэте! Мой учитель балета – а было время, я обучался этому искусству вполне серьезно – остался бы доволен. Он говорил, что у меня есть будущее. Спасибо, учитель, сегодня я строю будущее других людей так же легко, как ты выпивал кружку крепкого пива после занятий со школярами.

Третья точка, самая ответственная. Теперь я выплясываю что-то наподобие горской лезгинки. Только не хожу по кругу, а вытанцовываю на одном месте, руки в это время работают с кинжалом – отмахиваю широко и свободно, перекидывая клинок из руки в руку, играю им. Закаленная сталь постреливает тусклыми бликами. В какой-то момент вижу, как острие наливается сочным малиновым свечением, кисть нещадно колет, по руке пробегают упругие волны...

И опять движение по кругу, в больших падеша взлетаю высоко над землей и парю, ноги тянутся в шпагат. Чередую падеша с револьтадами, закручивая тело в воздухе по часовой стрелке. Всё время по часовой стрелке. Во время махов – от плеча, с разворотом корпуса – с кинжала летят алые брызги. Тело наполняет пьянящий восторг, кружится голова, и хрустальные молоточки

стучат в висках. Вот так, шире и сильнее, рублю всё ненужное, вредное и в то же время создаю необходимое...

Из прыжка падаю на колени, замираю, припадаю к разогревшемуся клинку губами. Четвертая точка. Перед внутренним взором четко встает линия судьбы – такая, как надо, ровненькая, намертво вмороженная в ткань бытия. Зеленая улица для господина Бревиуса.

Вслед за танц-коррекцией приходит похмелье. Тело заливают горячий пот, в голове гудящая пустота, меня словно выпотрошили, как рыбу перед готовкой. На слабых ватных ногах иду в душ. За него тоже пришлось побороться с господином директором, считавшим душ ненужной роскошью. И ведь знал о моем методе работы, понимал, что после сеанса от меня пахнет, как от стада жеребцов после дикой гонки по степи, но всё равно сопротивлялся.

Теперь все мои усилия оправдываются: расслабленно, почти сонно стою под прохладными струями. Вода стекает по телу, унося напряжение, усталость, а вместе с ними и буйное счастье творчества.

В течение пяти долгих лет я честно служил в подотделе заштатного городишки в провинции, способствуя успешному развитию местной торговли и образованию новых супружеских пар. Однако три года назад где-то наверху скрипнули тайные пружины, непредсказуемо провернулись бюрократические жернова, грянула очередная реорганизация и меня перевели в столичный тринадцатый отдел АСА.

Теперь я чрезвычайно рад такому изменению в своей судьбе и сейчас, после сеанса, по инструкции обязан отдыхать не менее одного часа. Имею полное право!

Глава 2

Если подняться по лестнице, перекинуться парой слов со Столбом, улыбнуться Лили и пройти через приемную, то можно попасть в заднюю часть здания. Здесь располагается веранда, выходящая на задний двор особняка. Увитая диким плющом, тенистая и прохладная, она дает отдохновение утомленным операторам.

Возьмите легкий плетеный стул, присядьте за большой стол светлого дерева. Закажите чай, кофе или лимонад, булочки с кондитуром или швейцарский сыр и будьте уверены: чай подадут горячий и крепкий, а булочки – свежие. В жаркую погоду на веранде прохладно и тихо, осенью рабочие поставят остекление, и здесь можно будет посидеть с чашечкой какао, расслабленно глядя на потоки дождевой воды за стеклом.

В тринадцатом отделе служит пять операторов.

Стефан Стацки – живая легенда проекта. В системе с момента основания, а может, и раньше. С тех самых пор, когда существовал еще консультативный отдел Тайной полиции. Это опытный и умелый профессионал, у нас он за старшего. О себе распространяться не любит, но на его счету немало славных дел.

Выглядит Стацки желчным мужчиной хорошо за сорок. Невысокого роста, худощавого сложения, с грубым морщинистым лицом. Костюм, а он предпочитает цивильные костюмы от модных портных, сидит на нем, словно на вешалке. Волосы у Стефана совершенно седые, кожа желтоватая, а воротничок рубашки вечно несвежий.

Вне операционной он не выпускает изо рта толстую сигару, которая у него постоянно тухнет, и ветеран беспрестанно ее раскуривает, бросая на пол горелые спички. В кармане пиджака

болтается неизменная фляжка с выдержанным коньяком, и хоть алкоголь в отделе строго запрещен, Стефан прихлебывает по глоточку. Стацки прощает многое.

Жан Клод Эйдельман – полная противоположность ветерану. Высокий мускулистый молодой человек, стройный и широкоплечий, из-под короткой челки смотрят наивные голубые глаза. Жан увлекается восточной борьбой, основанной на прыжках и ударах руками, ногами и головой, поэтому на лбу у него непроходящая шишка, которая, впрочем, его ничуть не портит. Он работает оператором второй год, опыта еще не набрался, и сложных случаев ему, как правило, не поручают. Но парень рвется в бой.

Помимо меня и указанных господ в штате состоят еще Венера Спай и Яков Патока. Венера – единственная известная мне женщина-оператор. Почему-то дамы не слишком расположены к нашей профессии. Яков – совсем молодой сенс-стажер, у него всё впереди. Сейчас ни нашей матроны, ни юного дарования поблизости не наблюдалось. За столом сидели Стефан и Жан Клод.

Разговор протекать вяло. Это было заметно хотя бы по чашкам собеседников. Молодой оператор почти допил свой чай, чашечка же ветерана была, напротив, полна. Я давно заметил, что Жан Клод – спорщик по натуре – увлекшись, забывает обо всем, и о чае в первую очередь. Стацки же во время содержательной беседы обязательно прихлебывает коньяк из фляжки, опустошив предварительно чайную посуду.

– ...Вы этого, к счастью, не застали, – цедил Стефан. – Пятнадцать лет назад никто и помыслить не мог, что возможна другая жизнь. Без эрцгерцога, без всей этой одряхлевшей клики – князей-баронов-виконтов... Статус-кво казался незыблемым, и когда всё это рухнуло в одночасье – вы представляете, что началось в умах людей?! Левые и правые сомкнулись – революционеры, мечтающие о переделе мира, и сторонники крепкой власти на грани диктатуры пошли рука об руку, как воркующие голубки! Только что не целовались...

Стацки постепенно воодушевлялся, в его глазах появился задорный блеск. Старый оператор вспоминал молодость – я тихонько подвинул стул поближе.

– Тут подоспели умеренные. У тех, кто никогда не мог сказать внятно, что же им нужно от властей предержавших, вдруг прорезался голос! «Выборов!» – кричали все они хором! «Хотим выборов!» И получили Президента. Первого Президента – вот так будет правильно!.. – Он чиркнул спичкой, но раскурить сигару забыл. – Вы бы видели, что здесь началось!

Жан Клод слушал с легкой усмешкой. Конечно, всё это можно прочесть в архивах и даже в учебниках истории. Но Эйдельман – воспитанный юноша, он не прерывает старших. Да и в рассказах ветерана порой мелькали очень интересные детали и подробности, каких не встретишь ни в одном официальном документе.

– Ну представьте себе, молодой человек! Аристократы обещали руками держаться за свои привилегии. Их вотчины, гербы, закрытые клубы... Бла-бла-бла! Денег-то у старой гвардии было к тому времени уже немного, а возможностей заработать – и того меньше. Традиции, неписанные правила... да и пункты Устава Дворянского собрания не позволяли им ни торговать, ни служить. С другой стороны подпирала денежные мешки, – вчерашние менялы и торгаши, – споспособные купить иного графа, а то и князя с потрохами. Со всеми его ленными владениями, родовым гербом и высокородной спесью! Они мечтали быть со сливками общества наравне – ан нет! Скоробогачей аристократия не подпускала к себе и на пушечный выстрел.

Он всё же раскурил сигару.

– Наконец, появилась еще одна группа. Руководители среднего звена, коим несть числа и от которых частенько как раз и зависит равномерное и исправное верчение шестеренок государственной машины. А вкупе с ними предприниматели средней руки – опора экономики и двигатель торговли. До денежных мешков ни те, ни другие не дотягивали – доходы не позволяли! В дворянские клубы их тоже не пускали – рылом не вышли! А люди эти, заключив союз и поддерживая друг друга, уже осознали свою силу. Им хотелось признания!..

– А как же конституция? – не выдержал Жан Клод, – Свод законов...

– Да, появились и конституция, и свод, – перебил Стацки, – но вопросов они не решили. Парламент заседал круглыми сутками – комиссия сменяла комиссию, сессия – сессию, за поправкой следовала поправка, а ситуация оставалась прежней. Работяги, те, кто как раз всё и производят, молча взирали на эту свистопляску, но долго так продолжаться не могло. Все понимали – еще немного, и полыхнет пожар народных бунтов! Тогда наверху поднатужились и родили Билль о правах. Этакий компромисс, разрешивший знати наживать состояния, заводчикам – получать из рук Президента титулы, а всем прочим, вернее, тем, кто оказался Президенту полезным, – примкнуть со временем к тем или другим. Но шансы у последних были невелики. Даже сейчас, через столько лет, посмотрите, господа, – много ли на ведущих должностях людей низкого происхождения? Дворянин на дворянине...

Я прихлебывал чай с лимоном и слушал с удовольствием – Стефан был неплохим рассказчиком. К тому же он увлекся – на свет появилась заветная фляжка. Чаю места в чашке не осталось, ароматный напиток окропил фикус, что стоит у окна веранды в древней деревянной кадучке.

– И вот прошло еще два года. Все – сверху донизу – изрядно устало от взаимных нападков, полумер и постоянной изматывающей борьбы, и кому-то пришла в голову идея. Было объявлено о проекте «Адаптация». Планировалось создать общенациональную сеть отделов и подотделов Агентства, такую «службу всеобщего благоденствия»... Назвать идею гениальной трудно, но свою отвлекающую функцию она выполняла.

– А почему нет? – рассмеялся Эйдельман. – Плати денежки и получай прогноз, даже инструкцию – как быстро и без потерь прорваться к финишу первым!

Стацки снисходительно усмехнулся:

– Если не брать в расчет, что из-за плеча Агентства явственно проглядывают ушки Тайной полиции. Тайники на протяжении многих лет занимались планомерным поиском сенсов. Вначале сами, потом основали Академию и сейчас присматривают за одаренными юношами. Следят за подготовкой профессиональных операторов. Не удивительно, что именно там, в департамен-

те Тайной полиции, появился консультативно-аналитический отдел. А это прогнозы, господ. Социального и политического развития...

– Всё это верно, – кивнул я, – без тайников здесь, конечно, не обошлось. Но тема была интересна не только полицейским, ведь так? А политики? А высшая власть? Армия, наконец...

– Безусловно, – Стацки отхлебнул коньку, – начавшись под патронажем тайников, дело быстро расширилось. И хотя у истоков Агентства стояли совсем другие люди, скоро заинтересованных сторон стало как блох на дворовой собаке. А консультативный отдел существует и сейчас, слегка изменив название. Но это уже другой вопрос...

– А те вечно закрытые двери, куда мы сдаем свои подробнейшие отчеты? Любой оператор задается вопросом – куда они потом уходят? Если это не контроль состояния умов – настроений, идей, тенденций, то я ничего не понимаю в нашей жизни! Мы не впервые говорим об этом, но вы всегда уходили от ответа, Стефан...

– А как вы хотели, Мартин? – вяло отмахнулся он. – Любое государство стремится себя обезопасить, следит за подданными, промывает им мозги...

– Так, может, это и было первейшей целью? А всё остальное – для доверчивых дураков, тех, кто хочет искренне верить, что у нас тут и впрямь равные возможности?

– А разве ваши прогнозы и рекомендации не помогают людям? – насмешливо возразил ветеран. – Конкретным людям в совершенно реальных житейских ситуациях?

Иронии в его словах было куда больше, чем желания ответить на вопрос. Ах, Стацки, никогда не поймешь сразу – где ты шутишь, а где вкладываешь в сказанное неявный смысл. Тот, который становится понятен лишь спустя некоторое время или под давлением обстоятельств – чрезвычайных и даже невероятных.

Недавно я стал замечать – Стефан приобрел странную способность выворачивать беседу, обычный застольный треп наизнанку. Переводить разговор на совершенно неожиданные темы. Раньше за ним такого не водилось, а вот теперь...

– Кстати, насчет промывки мозгов... Послушайте, Мартин, – Стацки прищурился, и я готов побиться об заклад, что дело было не в сигарном дыме, – а вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..

Услышанное меня настолько ошеломило, что я не нашелся, что ответить.

– А энергетику ситуации, в которую вовлечена группа лиц? – продолжал он, глядя на меня испытывающе, с непонятым интересом. – Просмотреть и смоделировать конкретный результат?

– Глупости, Стефан. – Я слегка растерялся. – Никогда не слышал о чем-либо подобном...

– Тем не менее такие работы проводились, – задумчиво продолжил Стацки. Он смотрел поверх наших голов отсутствующим взглядом. – В самом начале. Я тогда был совсем молодым, начинающим оператором и многого не понимал...

– И что потом? – полюбопытствовал Жан Клод.

– Ничего, тема была признана негуманной, и ее свернули. С нас, участвовавших в работе, взяли подписку о неразглашении. Так что, господ, я только что нарушил инструкции, – он скупо улыбнулся, – прощу не выдавать.

Повисла пауза, но тут дверь распахнулась, и вошел посыльный:

– Господин Мартин, господин директор срочно требует к себе. Велел не откладывая...

Я раскланялся с коллегами и пошел к двери, чувствуя на спине испытывающий взгляд Стацки...

* * *

Директорствует в Агентстве господин Ганс Аушбиндер-Меерштрассер-Ладенау-цу-Бекрештоккер-цу-Грюненвальден... и прочая, и прочая, – попробуйте выговорить все имена высокородного аристократа! Воистину это по силам только герольду на приеме у эрцгерцога. Есть такой элитный клуб для дворян, где раз в месяц собираются все древнейшие фамилии города и те-

шат свое тщеславие. Да и пусть их. Так вот, поскольку в обиходе выговаривать все имена и титулы господина директора нет никакой возможности, то зовем мы его по-простому – господин Аусбиндер.

Его кабинет расположен на третьем этаже, и я поднимался туда со смешанным чувством. Экстренный вызов к начальству ничего хорошего не обещает по определению. Ну что можно услышать от директора, кроме въедливых вопросов и нудных поучений? С другой стороны, и промахов за собой в последнее время я не припомнил. Даже опозданий не было.

Хотя пунктуальность – это совсем другая статья. Опоздавших директор ловит прямо на входе, в приемной. Что же заставило его отправить за мной посыльного? Раньше такого не случалось... И странный вопрос Стефана...

В душе нарастала тревога. Чувство неловкости появилось еще на веранде, во время разговора со Стацки, и теперь усиливалось с каждым шагом, превращалось в неприятное предчувствие.

Постучав и услышав короткое «Войдите!», я толкнул тяжелую дверь и оказался в просторном кабинете. Массивный стол, два кресла для посетителей, картины на стенах. В шкафах красного дерева фолианты в толстых обложках свиной кожи, с тисненными золотом названиями на корешках.

Никогда не видел патрона читающим, никогда не видел открытой книги на его огромном, орехового дерева столе. Да и что, спрашивается, может изучать господин директор в служебное время? Как улучшить организацию работы в Агентстве? Параграфы должностных инструкций и уложений, я уверен, он знает наизусть! Всё это чистый антураж...

Но профессионалом господин Аусбиндер является крепким и руководить умеет. Внешность его навеивает мысли о классическом портрете аристократа: высокий, сухощавый, с гривой гладко зачесанных седых волос и гордым профилем.

Директор имеет неприятную особенность не смотреть собеседнику в глаза. Зрит поверх голов, туда, где виднеется некая конечная цель всей нашей деятельности и, более того, всей нашей жизни. Всякий поймет, что господину Аусбиндеру дано видеть много больше, чем прочим смертным.

В кабинете патрон обязательно надевает очки в тонкой золотой оправе. Курить предпочитает очень дорогие сигары, что привозят из далеких заморских краев, а горький дым запивает крепким чаем. Однако сейчас чаем с сигарами не пахло, невостребованные очки сиротливо лежали на столе, зато взгляд господина директора с порога уперся прямо мне в глаза.

– Заходите, Мартин, присаживайтесь, – указал он на одно из двух кресел перед столом.

Второе было занято, и это оказалось сюрпризом не меньшим, чем прямой взгляд аристократа.

Кресло занимала Ева Долорес Мария Сантос-Д'Эспиноза-и-Гальярес-и-Ностре и прочая, и прочая. Попробуйте перечислить все имена высокородной! А Ева из очень старинного рода. Но еще важнее то, что она – эксперт.

Экспертная служба была образована сразу же после создания Агентства. Изначально предполагалось приглядывать за операторами. Ну, представьте себе: сидит человек в кресле, сосредоточенно хмурит брови, шепчет что-то неразборчиво. Говорит, мол, исправляет энергетическую ситуацию клиента, но поди разбери – может, прикидывает, как ему ловчее после службы сходить в пивную или пригласить на свидание соседку? А оклад получает немаленький, и выделяет его казна.

Возникла необходимость в контроле, но контролеры сразу же столкнулись с трудностями понятного характера – как залезть в голову сенса? Говорить-то можно всё, что угодно, но как установить правдивость слов? Однако эксперты принялись добросовестно отрабатывать свой хлеб.

Понимая, что внутренний мир оператора доступен только через общение, они разработали систему психологических тестов. Тогдашние эксперты вели с сенсами длительные беседы, пытались наладить контакт, некую духовную близость, даже дружеские отношения. Однако те быстро осознали свою исключительность и кастовость, на контакты шли неохотно и всегда помнили, что эксперт есть структура проверяющая. А какая дружба может быть с ревизором?

С другой стороны, эксперты тоже люди, и им не чуждо общее отношение к сенсам. Они, эти операторы, конечно, помощники,

порой даже спасители, но они ж ненормальные! Что там в голове у этих чокнутых? А если его обидишь невзначай, не так оценишь деятельность? Возьмет, да и наколдует в отместку какую-нибудь гадость. Надо быть с ними осторожнее. Примерно такие мысли, достойные больше обывателя из Предместья, чем образованного эксперта, посещали порой их головы.

Шло время, методы работы Экспертного отдела менялись. От дружеских бесед отошли ввиду неэффективности последних, и постепенно сформировалась нынешняя система отношений. Появились глухие двери на втором этаже, за операторами закрыли постоянных экспертов.

Сегодня эта служба приглядывает за операторами и попутно контролирует настроения сограждан. Достаточно большие полномочия позволяют эксперту вмешиваться в работу оператора. Например, после поведенной процедуры эксперт может опросить (или допросить?) сенса, уточнить что-то по отчету и даже встретиться и побеседовать с клиентом. На деле эксперты редко пользуются своими немалыми правами, ограничиваясь просмотром отчетов и дежурными встречами раз в неделю.

Ева Мария Сантос курировала наш отдел и вела себя в рамках традиционной политики: пока всё идет гладко, клиенты довольны, а отчеты подробны и поступают вовремя, можно не суетиться и не мешать оператору. Но за время совместной службы у меня создалось стойкое убеждение, что такой уровень ее не устраивает.

Ева – горячка! Высокородная горячка и немножечко стерва с амбициями. Ей недостаточно рутинной работы в отделе, деятельная натура требует большего – размаха, головокружительных комбинаций с тайниками, командных высот в АСА. Ничего этого пока нет, приходится возиться со штатными операторами и быть под началом директора, о котором она, судя по всему, не слишком высокого мнения. Отсюда постоянная маска холодности на красивом лице, подчеркнутая отчужденность ко всем и сугубый официоз в общении.

Вот и сейчас Ева Мария никак не отреагировала на мое появление – на ее узком лице застыло отрешенное выражение, табачного цвета глаза смотрят даже не на господина директора, а

куда-то за его спину, в угол кабинета. Внешний вид до крайности строг: черные блестящие волосы стянуты в тугой узел на затылке, полное отсутствие косметики и украшений. На рукаве форменного костюма логотип Экспертного отдела – всё тот же распахнутый глаз, глядящий на вас через увеличительное стекло.

Она всегда строга, холодна и неприступна. А жаль, порой мне хотелось, чтобы госпожа эксперт была чуть-чуть приветливее. Но куда нам! – обычный штатный оператор, да еще сирота без титула не ровня высокогородной аристократке...

Я осторожно опустился в свободное кресло, отбрасывая бесполезные и даже вредные мысли.

Госпожа Сантос продолжала изучать угол кабинета.

Директор побарабанил длинными холеными пальцами по полированной столешнице.

– Я собрал вас здесь, дамы и господа... – Директор запнулся, по-видимому, вспомнив, что он не на расширенной конференции сотрудников. Иногда патрона заносит. При всём своем опыте и умении угадывать желания начальства – первейшая и необходимейшая черта для чиновника! – на собраниях и форумах он чувствует себя увереннее.

Но сейчас вид у него был действительно растерянный. Что-то его беспокоило, а ведь смутить господина Аусбиндера нелегко. Он начал руководить отделом задолго до моего прихода, повидал на своем посту всякого и был опытным управленцем. Но теперь директор, похоже, не знал, с чего начать. Подыскивал слова.

– Опустим вступление, – наконец стряхнул он нерешительность и хлопнул ладонями по столу. – Суть дела: клиент обратился с жалобой. Сбой в работе случился не у нас, в пятом подотделе, но вы помните – это наша территория. Жалоба пришла в региональное бюро, а оттуда ее перенаправили к нам. Ставится под вопрос работа оператора, его компетенция, есть реальная угроза судебного иска и материальных претензий...

Я молча слушал, пока не очень понимая, каким образом жалоба на оператора из подотдела касается меня. Сам пять лет трубил в провинции. Как правило, подотдел – это крохотный кабинет, где ведет прием зачастую один, редко два сенса. Структуры разбросаны по городам и весям, принимают на себя немалую на-

грузку, но квалификация операторов там разная. При затруднениях они, как правило, направляют клиента в ближайший отдел, в чем и заключается принцип территориальной подчиненности. Но какова моя роль в предстоящем разборе жалобы?

– Неделю назад, – продолжал директор, – клиент обратился к оператору пятого подотдела по вопросу, связанному с выполнением профессиональных обязанностей. Проще говоря, просил помощи в карьерном продвижении. Служит он в какой-то небольшой конторе, названия которой я не запомнил. Что-то связанное с торговлей зерном, ничего секретного или ответственного в помине нет. Была проведена стандартная операция адаптации. Имеются отчеты оператора и записи его показаний, снятые экспертами. – Господин директор постучал сухим согнутым пальцем по кожаной папке с вытисненным золотом логотипом АСА.

Я продолжал недоумевать. Для работы с операторами подотделов есть эксперты регионального бюро, там же и региональная администрация, можно было разобраться на месте. Обычно так и делается, крайне редко регионалы передают дела на территорию, только когда отчетливо пахнет осложнениями... И при чем здесь Ева? Она сотрудник другого уровня, у куратора городского отдела свои обязанности... Кстати, госпожа эксперт пока не выразила отношения к происходящему ни единым движением.

Директор наконец заметил мое недоумение и смилостивился:

– Я вызвал вас, Мартин, как одного из наиболее грамотных и опытных операторов. И, конечно, вашего куратора от Экспертного отдела, таковы правила. Дело в том, что после проведения стандартной, заметьте, именно стандартной операции адаптации на службе у клиента ничего не изменилось. Никакого продвижения не состоялось. Вместо этого его жена, назовем ее пока мадам N, на следующий день после процедуры пришла в тот же подотдел, к тому же оператору с предложением адюльтера. Получив категорический отказ, женщина покинула подотдел, но появилась вновь на следующий день и возобновила свои притязания. Так продолжалось три дня подряд. Сейчас несчастная в приюте для душевнобольных, в состоянии полного помрачения рассудка, а супруг возлагает вину за происшествие на Агентство...

Господин Аусбиндер удостоил меня еще одним прямым взглядом водянистых глаз. Воистину сегодня примечательный день! Но то, что я услышал, было полной неожиданностью.

Случалось, операции не приводили к ожидаемому результату. Бывало, клиенты ждали от нашей работы больше того, что мы могли им предложить. Рассчитывали на быстрое и незатруднительное решение своих проблем, а это не всегда возможно. Недовольные в любом случае найдутся. Но получить совершенно иной, неожиданный эффект, рядом не лежавший с ожидаемым результатом?..

– Вы позволите несколько вопросов, господин директор?

Господин Аусбиндер склонил голову и стал похожим на старого мудрого грифа.

– Может такое случиться, что мадам N была больна еще до произошедших событий?

– Исключено. Мадам служит сестрой милосердия в госпитале Святой Барбары.

Это многое меняло. Госпиталь Святой Барбары славится далеко за пределами Республики. Там светила медицины проводят сложнейшие, уникальные хирургические операции, туда обращаются за помощью самые известные и знатные люди со всего света. Соответственно, персонал жесточайше отбирается и контролируется. Душевнобольная женщина никак не могла попасть в ряды сотрудников этого госпиталя.

– Совпадение по времени? Может, она заболела только что и начало болезни совпало с визитом супруга в подотдел?

– Сомнительно. – Господин директор слегка покачал головой. – Во всяком случае, психиатры так не считают. Они вообще не могут понять, что происходит с пациенткой. Картина болезни не укладывается ни в одну схему, поставить диагноз врачи не в силах.

– В таком случае, быть может, связь между оператором и мадам действительно имела место? Это объяснило бы многое...

– Клиент от подобных предположений приходит в ярость, уверяет, что его супруга была верхом благочестия. Могу добавить, что к делу подключились оперативники Тайной полиции, опрошено большое количество свидетелей, знавших пострадавшую, а

также ее мужа. Установить какие-либо контакты между оператором и мадам N до последних печальных событий не удалось. Мы вынуждены считаться с версией, что они ранее не были знакомы.

Вот так-так – сразу подключили тайников! Уже само по себе это событие экстраординарное. Я помнил лишь несколько дел, когда с ходу вступали оперативники, в том числе знаменитое дело о похищении наследника. Обычно Агентство старается решать свои проблемы само, без постороннего участия.

– Действительно, много непонятого. Включая то, чем я могу помочь в данной ситуации, господин директор.

Господин Аусбиндер помолчал, пожевал губами и в третий раз посмотрел мне в глаза:

– Об этом и речь, Мартин, – несмотря на молодой возраст, вы у нас один из лучших сотрудников и достаточно опытный. Я хочу поручить это дело вам. Необходимо обследовать оператора. Поговорить с ним... Сейчас в Ставке решается вопрос о гипнотическом воздействии, может, и так – поговорить под гипнозом. Главное – увидеть линию судьбы, которую он построил, проверить вектор. Если попутно сумеете что-то исправить, бог в помощь, но основное – мы должны очиститься от обвинений. Если эта чертова тетка сумасшедшая, – он поднял сухой указательный палец, – что было бы самым простым и самым лучшим ответом на все вопросы, то нам придется это доказать. – Лицо господина директора затвердело, на нем читалась нешуточная решимость. – Если имела место супружеская неверность и теперь партнеры выгадывают какой-то свой интерес и путают всех нас, – нам придется вывести их на чистую воду.

– Может, просто провести повторную процедуру клиенту?

– Пострадавший и слушать об этом не хочет! Скорее он засудит всех нас, Мартин. Всё это теперь нельзя оставить как есть, необходимо внести в историю полную ясность. И снять обвинения с Агентства. Работать придется с оператором, и работать придется вам...

– И последнее, господин директор, почему я? У нас в отделе есть куда более опытные работники. Например, Стефан Стацки, кавалер ордена «Большого Орла»...

– Поверьте, Мартин, предложение сделано вам, но другие варианты тоже были рассмотрены, – прервал меня господин Аусбиндер. – Мы уверены, что вы справитесь с задачей, и назначение уже согласовано на самом верху. К слову сказать, сам Стацки рекомендовал именно вас.

Вот это мне не понравилось. Что это Стефан отказался от задания? Трудностей он не боится, опыта и умения через край. Не захотел связываться?

– Вопрос решенный, оператор Мартин. – Ева Мария наконец повернулась ко мне и одарила взглядом своих чудесных, удивительного табачного цвета глаз. – Работать будем вместе. Любое содействие с моей стороны гарантировано. И я хочу быть в курсе всех ваших намерений, Зрячий. Постоянно.

Она смотрела на меня в упор, чуть изогнув бровь, а я думал о том, что всё это как-то странно и не к добру: подключившаяся с первых шагов Ева, отказавшийся Стацки и растерянный директор.

– Забирайте документы и приступайте немедленно. На втором этаже для этого приготовлен двадцать второй кабинет. Курировать вас будет эксперт Ева Мария Сантос. Как всегда... – Господин директор подвинул уже знакомую папку и посмотрел куда-то поверх моей головы.

* * *

Кабинет двадцать два на втором этаже Агентства встретил меня не слишком радушно. Слишком неудобно и голо. То ли дело моя операционная. Но выбирать не приходилось. Сказал директор работать здесь, значит, так тому и быть.

Посреди комнаты совершенно пустой стол и два стула. В одном углу раковина, в другом – сейф. Вот это, пожалуй, единственная примечательная деталь интерьера. Сейфы в наших помещениях редкость, да и кому они нужны, эти громоздкие железные ящики? Что в них хранить, от кого оберегать? Разве только... Вот оно как! Похоже, я попал в кабинет бойца невидимого фронта.

Сегодня Агентство раскинуло густую сеть своих структур на всю страну – региональные бюро, отделы и подотделы, Центральный департамент, который мы между собой называем Ставкой. Система исправно собирает информацию и прокачивает ее в таинственные кабинеты, где обитают молчаливые люди с незапоминающейся внешностью.

Стефан прав: первоначально идею подали массам как перспективу равных возможностей для всех. За определенную плату любой гражданин Республики мог подать заявку в АСА, прийти на прием к оператору и получить рецепт преуспевания, решение насущных проблем. Рождалась своеобразная «служба успеха», призванная помочь каждому в достижении намеченных целей.

На деле всё получилось несколько иначе. Во-первых, стоимость процедуры оказалась не столь уж мала, и позволить себе взнос мог не каждый. Во-вторых, люди с опаской относились к сенсам. Воздействие рекламировалось как доброе волшебство, помощь, призванная облегчить жизнь, но многие видели в нем непонятное, а потому страшноватое действо с неизвестными последствиями. Далеко не все решались на операцию адаптации.

С течением времени страхи эти потускнели, утратили былую остроту. У службы появилась добрая слава, ее несли люди, которым процедура реально помогла преуспеть. Поток клиентов увеличился.

Однако коммерческим предприятием Агентство так и не стало. Но и отказываться от сети отделов правительство не собиралось. По моему твердому убеждению, причина заключалась как раз в источнике информации. В первую очередь наша служба необходима Тайной полиции для контроля над умами.

Наконец, существовал еще один аспект. Официально работа оператора регламентируется определенными правилами, которые запрещают давать советы, несовместимые с этикой и моралью, не говоря уже о прямом нарушении закона. Практически же сенс не исповедует клиента, не вникает в этические подробности. Может сложиться так, что мелкий служащий затребует схему, как ему лучше подсадить директора; наследник третьей очереди попытается вступить в наследство, минуя прямых претендентов; коммерсант – ловчее обмануть партнера.

Вот еще одна причина, по которой мы пишем подробнейшие отчеты и сдаем их в те самые кабинеты. Молчаливым людям с незапоминающейся внешностью, среди которых Ева Мария приятное исключение. Драгоценное украшение среди безликих истуканов.

Теперь можно посмотреть, в каких условиях трудятся бойцы невидимого фронта. В спартанских, прямо скажем. Я присел на жесткий стул, положил на пустой стол заветную папку и закурил папиросу. Пепельница имелась.

В документах ничего необычного не обнаружилось. Некий господин, назовем его X, обратился в подотдел со стандартным заявлением. Оператор Корг принял к обслуживанию... Стоп. Оператор Корг. Неожиданность и какая-то неправильность названия не давали мне покоя. Парень имеет такое же простое, односложное поименование, как и я. Может, в этом всё дело?

Сословность в нашем обществе довольно запутана. Например, Венера в любом официальном документе будет прописана как «оператор В. Спай». Жан Клод имеет двойное имя, а поименование тоже будет простым – оператор Ж.К. Эйдельман. Но вот Стажки – другое дело, как кавалер ордена «Большого Орла» он имеет двойное поименование – Стефан Стажки.

Ну и дворяне: там при соблюдении официоза будут называться все имена, какие есть. На службе можно обратиться к Еве «госпожа Сантос», это допускается. Можно про себя назвать ее несравненной Евой, или прелестницей Евой Марией, или еще как душе угодно, но в документе будут прописаны все три строчки ее имен и титулов. А если понадобится, то и произнесены вслух.

Если бы в деле был замешан аристократ, а среди операторов они встречаются, хоть и очень редко, меня, скорее всего, к делу не подпустили бы. А тут Корг, и всё. Парень тоже из приюта, круглый сирота, как и я. Только у нас, приютских, нет ничего, кроме имени.

Может, начальство решило, что штатный оператор будет откровеннее с таким же, как и он сам? Один сирота с другим? Может, рассчитывают, что я хорошо знаком со службой в подотделе и мне легче окажется разобраться? Но Стажки вызывал бы

у Корга помимо доверия еще и почтение, и поговорить ветеран умеет на равных... Странно всё как-то...

Итак, господин X обратился в подраздел с весьма нередкой заявкой: помочь наладить отношения со старшим приказчиком. Для взаимопонимания и нужно-то было – провести выгодную торговую сделку. Вот тут он и просил подсказки: с кем, как именно, в какие сроки. Ничего необычного, здоровые карьерные устремления.

Судя по отчету, оператор установил границы ситуации, выявил составляющие – старший приказчик, контрагенты, поставщики. Прodelал, и довольно грамотно, немалый объем работы и провел стандартную процедуру: вышел на информационный уровень, прочел энергетические каналы и определил опорные точки.

В отчете всё прописано: последовательная четырехуровневая конструкция, шесть опорных точек, из которых «горячими» являлись только три. На второй висел «гвоздь», судя по описанию, не очень-то и мощный. Скорее всего, взаимное непонимание в каких-то вопросах, амбиции... Именно этот «гвоздь» портил всё дело. Корг дал толковые советы – ситуация вырисовывалась вполне управляемая – и отпустил клиента с чистой совестью. По бумагам всё гладко...

Что же случилось дальше? Почему всё обернулось таким неожиданным и страшным образом? Почему сделка не состоялась, а мадам N принялась донимать сотрудника АСА? Имея вполне благополучную, по уверениям большинства опрошенных людей, семью. Двое детей, пяти и семи лет, вполне обеспеченный муж, мир и благоденствие в доме. Никаких попопозновений на сторону ранее...

Оператор пишет, что ясно видел линию судьбы клиента, отработал ее «доступным образом». Именно так коллега счел возможным назвать деликатный момент финта, то, что я называю танцу-коррекцией, и то, что никто из сенсов не раскрывает и не описывает детально.

Далее следовали показания свидетелей благонравия супруги клиента и его самого. Соседи, домовый староста, приказчики из торговой компании, сестры милосердия и врачи госпиталя Свя-

той Барбары – работенка тайниками проведена немалая. И нигде ни одной зацепки, всё гладко. Из бумаг следовало, что семья абсолютно благополучная.

Пепельница наполнялась окурками. Ничего путного на основании документов придумать не получалось. Окажись я на месте Корга, делал бы всё точно так же, а потом составил бы точно такой же отчет и так же недоумевал бы: почему правильно отработанная линия судьбы привела не к успешному гешефту, а в психиатрическую лечебницу?

Есть еще один метод. Можно попробовать поработать с документами на энергетическом уровне, так же примерно, как и с человеком. Я сел насколько возможно удобно, расслабился. Начал вспоминать сухие строчки протоколов, отчет оператора и попытался представить себе его и проведенную им процедуру. Я никогда не был в пятом подразделе, не знаю, как выглядит Корг, не видел клиента, поэтому включил фантазию.

Перед прикрытыми глазами встала комната, как две капли похожая на мою операционную – да и откуда взяться другому образу? Можно придумать интерьер и внешний вид незнакомых мне людей. Попытался представить себе участников событий, услышать вопросы и ответы. Поиграл с обликами, потасовал образы...

Ничего путного не получилось: картинка вышла блеклой, фразы пустыми, а внешность участников расплывчатой. Нечего зря терять время...

И уже на выходе из релаксации неожиданно на границе поля зрения мелькнул силуэт черной птицы. Вдруг стало зябко. Резкий звук – будто крылья хлопнули! – прорезал тишину. Тень метнулась по комнате, скользнула по мне – и сразу торопливо, с перебоями забило сердце. Перехватило дыхание.

Я непроизвольно дернулся от стола в угол – защитная реакция. Птица смогла бы атаковать и там, только делать этого не стала. Черной тенью метнулась она к окну, и в следующий миг всё исчезло.

Я жался в углу чужого кабинета: дрожащий, испуганный, не понимая, что произошло. По спине текла горячая струйка пота, руки дрожали. Мозг лихорадочно искал ответ – что это?! Или

кто?! Как такое вообще стало возможным? В реальной опасности птицы я не сомневался ни секунды, даром, что выглядела она тенью – видением, мороком, порождением задремавшего разума... Меньше всего хотелось бы мне встретиться с такой фантазией вновь!

Возвращаться к столу почему-то очень не хотелось.

* * *

В этот самый момент дверь без стука отворилась, и вошла госпожа региональный эксперт Ева Мария Сантос. Выражение холодной неприступности на ее красивом лице сменилось легким удивлением. Я с трудом переводил дыхание, а Ева уже отреагировала:

– Что, оператор Мартин, ищите в углу истину? – Она насмешливо прищурилась и прошла к столу. – Всё правильно, истина не любит открытых освещенных пространств. Она прячется по темным пыльным углам. Но вооруженный фонарем истинного видения Зрячий всё равно ее отыщет.

Все-таки она стерва! Надменная, холеная, высокородная стерва. Даже перенесенное только что потрясение не могло затмить закипавшее в душе негодование. Применять в данном случае наше кастовое самоназвание – верх бестактности, но в этом вся Ева Мария! Ей глубоко плевать, что подумают другие. А может быть, просто делает вид, что плевать, но мне от этого не легче.

Я выбрался из облюбованного угла и уселся на свободный стул. Как-то так получилось, что госпожа эксперт теперь сидела на моем месте, а я – на стуле для посетителей. Сказано, урожденная аристократка – акцентные вмиг расставлены, дистанция определена, право первой руки не вызывает сомнения.

– Как вам показались документы? Судя по благородной бледности, не иначе как на вас снизошло откровение свыше. Признавайтесь, какое гениальное открытие вы сделали?

– Дело обстоит как раз наоборот, госпожа Сантос, – промямлил я. – В бумагах ничего интересного я не обнаружил...

О видении говорить совсем не хотелось. Тем более, я еще не определил для себя, как к нему относиться – то ли это галлюцинация, то ли серьезное предупреждение? Скорее, второе, но необходимо время. Нужно подумать в спокойной обстановке, вспомнить всё детально, постараться оценить...

– Очень плохо, оператор. Вы зря потратили два часа казенного времени. Может, вычесть эти деньги из вашего оклада?

В ее голосе звучала откровенная насмешка, почти издевка. Но удивительно, я почти успокоился. Расслабился – перестали дрожать руки, выровнялось дыхание. Всё-таки нас теперь двое.

Мы работаем вместе полгода, с прошлой зимы. До Евы нас курировал господин Дортенд. Ни имени, ни поименования его мы не знали, он сам настаивал на таком обращении – господин Дортенд, и всё. Это был типичный клерк: невысокого роста, сухонький, невзрачный, с незапоминающимися мелкими чертами лица.

Он встречался с операторами раз в неделю, строго по графику, расписав для каждого свой день. Задавал дежурные вопросы, говорил традиционные слова о гуманности нашего дела и исчезал до следующей встречи. Даже во время памятных событий, связанных с похищением наследника, когда весь отдел встал на дыбы и работа шла круглосуточно, он ухитрялся оставаться незаметным, как бы в стороне от происходящих событий.

Юноша был похищен террористами «двадцать-двенадцать». Организация эта прорицает скорый конец света. Цифра 2012 имеет для них некое мистическое значение, смысл которого сокрыт в туманных образах из забытых пророчеств и древних легенд. Накануне этого печального события члены организации, а проще говоря, бандиты, занимались грабежами, похищением людей и вымогательством в самой неприглядной форме. Практиковали крайнюю жестокость и оправдывали самые тяжкие свои преступления неизбежностью божьей кары.

Похищение было совершено дерзко, среди бела дня. Преступники потребовали за заложника миллион золотом. Стацки отследил ситуацию, помог полиции найти «крота» в их рядах и даже – редчайший случай! – смог вычислить загородный дом, где прятали похищенного. В результате тайники провели блестящую

операцию, Стефана наградили орденом «Большого Орла», а его прогноз попал в анналы как классический пример работы с информацией.

Я успел поучаствовать тогда, помогал Стацки и снискал его благосклонность – заслуженный мастер начал относиться ко мне если не как равному, то с большим пиететом. А вот Еве такая возможность пока не представилась.

Усмешка тем временем исчезла с ее губ, лицо стало задумчивым, а взгляд – прицеливающимся. Под тугим узлом волос, в точеной головке шла упорная работа мысли.

Из недр стола Ева извлекла высокий стакан, наполнила водой и поставила передо мной.

– Послушайте, Зрячий, – негромко проговорила она и села напротив. – Нам с вами надо очень постараться и дать результат. Господин директор поведал мне приватно, что кое-кто пытается свести дело к заболеванию женщины. Подумаешь, просто сумасшедшая, место которой в госпитале, под неусыпным присмотром врачей. С кем не бывает? На худой конец, другая, но тоже обычная ситуация: оператор тайно встречался с женщиной, обоих это устраивало, а потом всё пошло не так – может, он решил ее бросить, разлюбил или еще что-то... Мужчина начал рвать отношения, женщине это не понравилось. Далее по уже известному сценарию – от неразделенной любви у бедняжки помутился рассудок. Снова дело житейское, к Агентству никакого касательства не имеет.

Я глубокомысленно кивал в такт ее словам, прихлебывая воду.

– Но только дело обстоит совершенно не так. – Последняя фраза прозвучала так резко, что я невольно вздрогнул. – Есть информация, что это не первый случай, когда оператора используют в каких-то непонятных целях. Именно так – используют! Впервые это произошло пять месяцев назад, в Абитаре, небольшом городке на юге Республики. Там рассматривался матримонный заказ: молодой мужчина решил жениться. Свадьба состоялась, и всё бы хорошо, но у невесты была родная сестра. Так вот – в роли жены оказалась она. Сватался к одной, а женился совсем на другой.

Ева откинулась на неудобном стуле, легким движением погладила пальчиком переносицу.

– Оператор клялся и божился, что делал всё правильно, линию судьбы вывел в направлении, заказанном клиентом. Как такое могло случиться, он объяснить не смог. Будто взял кто-то и передвинул вектор с одной цели на другую. Рядом расположенную. К счастью, скандал не разразился – незадачу уладили внутри семьи полюбовно. Отцу было безразлично, которая из трех дочерей выйдет за достойного человека. Молодые тоже как-то между собой договорились. Но факт осел в архиве как не поддающийся объяснению. А это плохо, когда мы не знаем, что происходит в результате информационного воздействия. Такого Экспертная служба позволить себе не может...

Я забыл про воду. Сейчас госпожа инспектор открывала мне секретную информацию, в этом сомнений быть не могло. Ничего подобного я ранее не слышал, слышать не мог, да и не должен был. История поворачивалась неожиданным ракурсом, начинала играть новыми красками. Что же здесь так цепляет надменную красавицу? Разве рискнула бы она без веской причины пойти на серьезное нарушение устава? Не тот человек Ева Мария, чтобы открывничать с оператором ради приятного общения. Совсем не тот...

– Повторный случай был зафиксирован спустя три месяца в Капитале, – продолжила Ева Мария. – Обычная процедура с мелким банковским служащим, призванная способствовать его карьерному росту...

– Его тоже женили? – не выдержал я. – На дочери директора банка?

– Нет. – Ева улыбнулась, и я поразился, насколько идет ей улыбка. – Сети Гименя на сей раз оказались ни при чем. По роду службы клерк принимал почту у курьеров и передавал ее по инстанции. Однажды он задержал одно письмо и передал другое. Не по назначению. В результате казначейская карета отвезла мешок с деньгами совершенно иному получателю, которого потом не нашли. Ошибка обнаружилась не сразу, а чуть позже выяснилось, что служащий накануне был на процедуре. Дальше уже знакомо: клерк быстро и качественно сходит с ума, продолжать

дознание в этом направлении не представляется возможным. Оператор пребывает в полном недоумении – все его действия укладываются в общепринятые схемы работы.

– И вы полагаете, что кто-то опять передвинул вектор?

– Полагаю.

– Кто проводил расследование? – Я немного вольничал, вставлять вопросы в беседе с вышестоящим начальником не принято, но госпожа Сантос не обратила на это ровным счетом никакого внимания.

– Регионалы. Имена называть ни к чему, но уверяю вас, Мартин, компетенция господ достаточно высока. Была создана совместная комиссия из экспертов и операторов, – я невольно отметил, что экспертов она поставила на первое место, – по заключению которой оператора признали невиновным. Это не было ошибкой в процедуре, Мартин. Это было целенаправленное воздействие. Теперь сомневаться в этом не приходится – кто-то активно разрабатывает методы перехвата линии судьбы, произвольно меняет ее направление и получает результат.

– А банк? – оторопело спросил я. Всё, что я сейчас услышал, еще не поместилось в моей голове.

– Банк? – Ева Мария недоуменно поглядела на меня своими удивительными глазами. – Банку Агентство выплатило компенсацию. Из своих резервов. Вы понимаете, что это дело должны поднять мы? Тайников привлекли втемную, они пока собирают информацию, не зная всех обстоятельств. Но долго так продолжаться не может. Скандал набирает ход, и скоро количество участников достигнет того уровня, когда места для секретов не останется. Мы должны успеть первыми, оператор.

Теперь я начал кое-что понимать. Еве необходимо громкое дело, масштабное, с широким резонансом в пределах как минимум Агентства. Дело, на котором можно будет совершить карьерный скачок наверх, к ключевым постам. Мне тоже карьерные устремления не чужды, но еще больше меня заинтересовала суть происходящего. Я и предположить не мог, что такое возможно – перехватить вектор и перенаправить его в произвольном направлении!

Как там спрашивал Стацки: «А вы могли бы отсмотреть, если бы вам вдруг это чрезвычайно понадобилось, энергетику человека без его согласия? И построить произвольный вектор?..»

А далее Стефан сказал: «Тем не менее такие работы проводились...» Что имел в виду старый оператор? И что он знает?

Купить эту книгу в бумажном или электронном виде можно в интернет-магазине издательства по адресу

<http://shop.fantaversum.ru/>

Задать вопрос о приобретении можно по электронной почте

sales@fantaversum.ru